

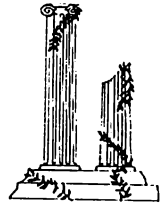
Диаспора

Диаспора

IX

НОВЫЕ
МАТЕРИАЛЫ

IX

Альманах основан Владимиром Аллоем

Ответственный редактор:

Олег Коростелев

Россия, Москва, 127015, ул. Бутырская, д.9, кв.128
Тел.: 7095.685.60.40. E-mail: okorostelev@mail.ru

Редактор-издатель:

Татьяна Притыкина

Россия, СПб., ул. Бассейная, д.49, кв. 38
Тел.: 7812.371.45.43. E-mail: isphenix@hotmail.ru

Представители альманаха:

А.В.Лавров. Россия, С.-Петербург, 197046, ул. Б.Дворянская (Куйбышева), д.22, кв.31. Тел.: 7812. 233.84.87. E-mail: lavrov@TP3917.spb.edu

John E. Malmstad. Slavic Dept. Barker Center. 12 Quincy Street. Harvard University. Cambridge, MA 02138. USA. E-mail: malmstad@fas.harvard.edu

Richard D. Davies. Leeds Russian Archive Brotherton Library University of Leeds. Leeds LS2 9JT England. Tel. 0113. 233 32 89. E-mail: r.d.davies@leeds.ac.uk

Elda Garetto. Via Salvo d'Acquisto, 20. 21020 Casciago (va), Italia. Tel./Fax: 0332. 22 02 45. E-mail: elda.garetto@skylink.it

Catherine Gousseff. Centre d'Études du monde russe, École des Hautes Études en Sciences Sociales. 54, bd. Raspail 75006 Paris. E-mail: gousseff@ehess.fr

Адрес издательства:

198103 Россия, С.-Петербург
ул.8-я Красноармейская д.15/17 лит.А пом.4-Н

Диаспора
IX

**НОВЫЕ
МАТЕРИАЛЫ**

Athenaeum – Феникс
Париж – Санкт-Петербург

2007

ББК 63.3
УДК [947+957]
Д-441

*Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»*

Д-441

ДИАСПОРА: НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ. Т.9.

СПб.; Париж: Athenaeum–Феникс, 2007. 608 с., ил.

В настоящем томе альманаха публикуются записки Б.С.Колоколова о детстве, проведенном в китайской провинции; воспоминания художника А.М.Арнштама о работе в Берлине и Париже в 1920-е–1940-е; статья, посвященная первым советским невозвращенцам и их деятельности в эмигрантской среде; история русского православного монашеского братства, существовавшего в 1923–1946 на территории Словакии; письма Г.В.Адамовича, Н.В.Вольского, К.Е. фон Замена; расшифровка аудиозаписи рассказов В.В.Шульгина; очерки Р.Кюфферле о русских писателях и художниках в изгнании; исследование об участии русских эмигрантов в мировом кинематографе и ряд других материалов.

Книга рассчитана как на специалистов, так и на широкий круг читателей, интересующихся отечественной историей.

При участии
ООО «Дмитрий Буланин»
и Института «Maison des Sciences de l'Homme» (Париж).
La présente édition est effectuée avec le soutien
de l'éditeurs «Dmitrij Bulanin» (St.-Pétersbourg)
et de la Fondation Maison des Sciences de l'Homme à Paris.

ББК 63.3

© Издательство «Феникс», 2007

ISBN 5-85042-077-0
ISBN 5-85042-086-X

А.А.Данилевский
**КАК СДЕЛАНЫ «ПРАВИЛА ИГРЫ»
МИХАИЛА ИВАННИКОВА**

Александру Васильевичу Лаврову

К моменту публикации в марте 1956 рассказа «Правила игры» (далее – *ПИИ*)¹ его автор Михаил Дмитриевич Иванников (1904–1968)² уже снискал некоторую известность опубликованными в самых престижных изданиях русского зарубежья тремя рассказами³ и

¹ См.: *Иванников М.* Правила игры // Новый журнал (Нью-Йорк). 1956. №44. С.5-21.

² Биографические сведения об Иванникове см. в работах: *Волынский М.* <Рафальский С.М.> Последний долг // Русская мысль (Париж). 1968. №2707, 10 октября; *Таубер Е.* 1) Годы дружбы с М.Д.Иванниковым // Новый журнал. 1969. №96. С.93-96; 2) О довоенных рассказах Михаила Иванникова (Окончание) // Там же. 1970. №2782, 19 марта. С.8; *Ђурић О.* Руска литерарна Србија 1920–1941 (Писци, кружоци и издања). <Београд, 1990>. С.7, 47, 57, 91, 104, 108, 123-127, 147, 151, 158, 256, 266, 269, 270, 285; *Казак В.* Лексикон русской литературы XX века. М., 1996. С.159-160; Вокруг «Скита» / Публ. О.М.Малеви́ча // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1994 год. СПб., 1998. С.180, 218, 219, 233, 239; *Белошевская Л.Н., Нечаев В.П.* Михаил Дмитриевич Иванников // «Скит». Прага 1922–1940: Антология. Биографии. Документы / Вступит. ст., общ. ред. Л.Н.Белошевской; сост., биогр. Л.Н.Белошевской, В.П.Нечаева. М., 2006. С.247-249.

³ См.: *Иванников М.* 1) В степи // Своими путями (Прага). 1924. №1/2. С.3-7; 2) Лорд // Последние новости (Париж). 1931; перепеч.: Новый журнал. 1962. №67. С.67-74; 3) Авио-рассказ // Современные записки (Париж). 1936. №61. С.137-146. См. также: *Мих. И.* <Иванников М.Д.> Эскиз // Годы (Прага). 1926. №1 (указ. в ст.: *Белошевская Л.Н., Нечаев В.П.* Михаил Дмитриевич Иванников. С.248).

двумя повестями⁴. Эти произведения вызвали в свое время весьма благоприятные отклики И.А.Бунина⁵, Г.В.Адамовича⁶, В.Ф.Ходасевича⁷ и других литераторов⁸. Благоклонно встретил Адамович и *ПИ*, написав в июле 1956 в «Русской мысли»: «“Правила игры” – вещь на редкость талантливая»⁹. Несколько ранее тот же Адамович высказался в письме от 5 июня 1956 Ю.Иваску: «Читали Вы Иванникова в “Но<вом> Журнале”? Смесь Сирина с Белым, но очень талантливо, хотя “воняет литературой” за сто верст. <...> Кто этот Иванников? Если он не стар, это настоящий писатель»¹⁰. Из следующего письма маститого критика тому же адресату (от 19 июля 1956) узнаем о реакции на *ПИ* писателей-эмигрантов старшего по-

⁴ См.: *Иванников М.* 1) Сашка // *Современные записки*. 1935. №57. С.80-131;

2) *Дорога: Повесть* // Там же. 1937. №65. С.130-163; 1938. №66. С.42-96.

⁵ О благоприятном отзыве И.А.Бунина на рассказ «Лорд» известно со слов Е.Л.Таубер, вспоминавшей в 1969: «Литературный его <Иванникова> успех начался с рассказа “Лорд”, который был напечатан в “Последних новостях”. Я помню, как прибежал ко мне Иванников, размахивая газетой, с первым своим напечатанным рассказом. Он сиял. “Сам Бунин хвалил и спрашивал обо мне”, – рассказывал он, забыв обычную сдержанность. Бунин был его кумиром» (*Таубер Е.* Годы дружбы с М.Д.Иванниковым. С.94). Весьма благоклонно принял Бунин и повесть Иванникова «Дорога» (подробнее об этом см.: *Данилевский А.А.* Из наблюдений над повестью М.Иванникова «Дорога» // *Вторая проза: Сб. ст. / Ред. И.Белобровцева и др. Таллинн, 2004. С.246, 272-273*). Высокая оценка Буниным творчества молодого белградского писателя сохранилась на долгое время – в письме М.А.Алданову от 15 февраля 1946 он писал: «перечитываю кое-какие разрозненные кн<и>ги “Современных” з<а>писок». Перечитал еще “Дорогу” Иванникова. *Просто удивительный* (здесь и далее везде все неоговоренные выделения авторские. – *А.Д.*) талант!» (Цит. по: *И.А.Бунин: Pro et contra*. СПб., 2001. С.59).

⁶ См.: *Адамович Г.* 1) <Рец.> «Современные записки», кн. 57-я. Часть литературная // *Последние новости*. 1935. №5082, 21 февраля; 2) <Рец.> «Современные записки». Кн. 61. Часть литературная // Там же. 1936. №5606, 30 июля; 3) <Рец.> «Современные записки», кн. 65. Часть литературная // Там же. 1938. №6144, 20 января; 4) <Рец.> «Современные записки», №66. Часть литературная // Там же. 1938. №6276, 2 июня.

⁷ См.: *Ходасевич В.* 1) <Рец.> Книги и люди: «Современные записки», кн. 57 // *Возрождение (Paris)*. 1935. №3592, 4 апреля; 2) <Рец.> Книги и люди: «Современные записки» №61 // Там же. 1936. №4038, 8 августа; 3) <Рец.> Книги и люди: «Современные записки», кн. 65-я // Там же. 1938. №4120, 25 февраля; 4) <Рец.> Книги и люди: <...> «Современные записки» кн. 66-ая // Там же. №4137, 24 июня.

⁸ В этой связи см., например, отклик Ю.К.Терапиано на перепечатку иванниковского «Лорда» в 1962: *Терапиано Ю.* <Рец.> *Новый Журнал: Книга 67-ая. Часть литературная // Русская мысль*. 1962. №1834, 5 мая.

⁹ *Адамович Г.* <Рец.> «Новый журнал» <№44> // Там же. 1956. №921, 5 июля.

¹⁰ Сто писем Георгия Адамовича к Юрию Иваску (1935–1961) / Предисл., публ. и коммент. Н.А.Богомолова // *Дiaspora: Новые материалы*. Вып. 5. СПб., 2003. С.485-486.

колениа: «По-моему, крайне способен и М.Иванников (в “Нов<ом> Журнале”). <...> Я читал его рассказ со скукой (“литература”) и с восхищением. <...> Pour une fois¹¹, Алданов тоже в восторге от Иванникова, а Зайцев, наоборот, вздымает очи к небу»¹².

Адамович предложил и первое – пока единственное – развернутое истолкование *ПИ*. Однако вначале напомним содержание рассказа, в котором, по выражению В.Казака, автор «рисует психологическую раздвоенность рус<ского> эмигранта, ощущающего себя преследуемым и преследователем одновременно»¹³.

В центре повествования – фигура некоего Радкевича, наделенного мизерабельной внешностью (неказистого, лопухого, с уродливой горбатой фигурой) и всячески третируемого и преследуемого окружающими: людьми, животными и даже неодушевленными предметами. Даже после чрезвычайно удачного для него, эмигранта, поступления на отнюдь не обременительную службу и сопутствующего ему «переезда из общежития на квартиру, к уличным и трамвайным пыткам, доселе истязавшим его, прибавлялись все новые и новые; судьба, побаловав его, вымещала на нем же свою минутную добряческую слабость: мансардная одиночка, которую он осторожно приручал к себе, оказалась ужасно привередливой и неуживчивой, и с нею и с ее приданым постоянно что-то приключалось – дурно и с неохотою закрывался дверной замок, прожорливая печка заглатывала слишком много дров, и постоянно по зимнему делу замерзали водопроводные трубы в уборной; и не лучше – глядя на комнатушку – вела себя и лестница: длинная, крутая, с обратной по возвращении со службы одышкой, она постоянно оступалась ступеньками, и электрические кнопки под яростно требовательным перстом иногда озаряли ее светом, иногда же – чаще – не озаряли, а, кроме того, в воздухе и на площадках шерстяными бесами летали, порскали, шипели коты – жирные, оскаленные, со стеклянными глазами, может быть, даже бешеные... И Радкевич выпускал клычки и со страхком и наслаждением хлестал их тростью, и, чего греха таить, и сам немного попорскивал, пошипывал»¹⁴.

¹¹ На этот раз (*франц.*)

¹² Там же. С.487-488. В этой связи см. также в рецензии Адамовича: «рассказ <...> “Правила игры” <...> вызвал суждения до крайности разноречивые. Говорю, конечно, о прессе “устной”: отзывов печатных было до сих пор немного, да по количественной своей скудости наша зарубежная печать и вообще не может сколько-нибудь отчетливо отразить колебания и расхождения в читательских оценках» (*Адамович Г.* <Рец.> «Новый журнал» <№44> // *Русская мысль*. 1956. №921, 5 июля.).

¹³ *Казаков В.* Лексикон русской литературы XX века. С.159-160.

¹⁴ *Иванников М.* Правила игры // *Новый журнал*. 1956. №44. С.6-7. Далее все цитаты из текста рассказа и ссылки на него даются по этому изданию непо-

Это тотальное преследование героя с самого начала повествования заявлено как имеющее некий метафизический характер: «И всю жизнь, всю жизнь: с самых первых дней его квеленького, лопоухого детства, и в дни одинокой завистливой юности, и потом в зрелые, без единого дня радости, годы, всю жизнь, всюду – в России, в беженских переездах и плаваниях, и теперь здесь, за границей – тяготею над Радкевичем это никогда не иссякаемое проклятие всеобщего, где бы он ни появился, глумливого к нему недоброжелательства: враги, одни враги были вокруг него – бесчисленные, неотступные, изнурительные, вне всякого сомнения связанные между собою кругового заговорщицкою порукою: следить за ним, вредить ему, издеваться над ним» [5].

Фатальное неблагополучие героя усугубляется тем обстоятельством, что, наряду с непрезентабельной внешностью и жизненной «обойденностью», он наделен обостренным сознанием собственной индивидуальности, повышенным самомнением, сильным характером, упрямством и изощренным и изворотливым интеллектом. Поэтому Радкевич вовсе не склонен довольствоваться выпавшей на его долю участью изгоя и жертвы – напротив: непрерывные «удары судьбы» породили в нем сильнейшее ответное стремление реализовать отпущенные ему дарования и с их помощью утвердить себя в положении лидера. Поприщем для социальной и интеллектуальной самореализации он избирает некую неопределенную деятельность, именуемую в тексте игрой, в тоже не совсем понятном эмигрантском «Обществе», единственном месте в чужом городе, где «Радкевич не мучился хронической зябкостью от вражеских сквозняков: общественники, рассеянно, мешковато и мимоходом <...> пребывающие на этой земле, рассеянно, мимоходом здоровающиеся с ним, <...> почти не замечали его особливости, как вообще не замечали почти ничего: горный хлад ледяных пределов давно выморозил в них мелкое человеческое любопытство к ближнему.

Это вовсе не значит, что бытие “Общества” было овеяно поволокой райского дружелюбия и безмятежности, нет, совсем нет: и здесь, в сокровенном и напряженнейшем гуле давней и всеобщей подозрительности кипела борьба, и здесь всюду таились неразгаданные коварства хитроумных ловушек, внезапных, исподтишка, нападений, засад, подвохов: но, Боже мой, как мало походила вся эта недобрая и восхитительная игра на ту пыточную, круговую, на которую сызмальства был обречен Радкевич, – хищно ощерясь где-нибудь в уголку зальца, подплывающего в бранных клубах табачного дыма, он часами следил за ходом прославленных мастеров, и нетерпеливое

сердце его билось в горячих тенетах с трудом сдерживаемых желаний: издавна, невнятно <...> подозреваемый им мир, мир, где он, победительный и неуязвимый, все преодолевая и все преодолев, приближается к мстительной и фанфаровой всепобеде, – мир этот наяву намечался перед ним.

Но спокойствие, спокойствие... За годы каждодневных испытаний он до полной послушности вышколил в себе индийское терпение; и теперь, несмотря на дерзостное и необманное предчувствие несомненной удачи, несмотря на то, что его порою просто подергивало судорогами от нетерпения ринуться поскорее к зеленому боевому столу, во всю ширь, во всю длину распахнутому посредине комнаты, – он, примеряясь и примеряясь, продолжал отсиживаться в своем вожделенном уголку: время его для безоглядных отлучек горé, к высоким потехам, еще не пришло. Неизменные дела его все еще неблагоприятны: и с котами и уличными мальчишками, с сослуживцами и со всей прочей сволочью было все еще очень хлопотно – шипели, пялились, приставали. И пренебречь всем этим он, конечно, не мог.

Но через год, через два, может быть, через три года <...> [8-9].

И действительно: спустя некоторое время, обретя устойчивый социальный статус, относительное бытовое благополучие и протекающие отсюда душевное равновесие и уверенность в себе, Радкевич «наконец не выдержал и с давно заждавшейся страстностью предался этой ни с чем все-таки не сравнимой игре» [10]. Средства при этом он избрал неблагоприятные, но в сфере политических «игрищ» эффективные и потому издавна в них укорененные: многоходовую интригу, провокацию, порочащую противника сплетню или даже просто «скверный намек, еще мучительнее, если полунамек, и уж совсем нестерпимо мучительное – мерцание затаившегося во тьме намечка, хитрющий, крохотный, остренький и нечистый глазок его: на-ме-че-чек» [11].

Объектом этих скрытых атак Радкевич выбрал старца Васильчикова, заслуженного, опытного и властолюбивого лидера, около десяти лет бессменно руководившего «Обществом». Многолетние тайные и кропотливые усилия принесли плоды: настал момент, когда «Радкевича, вяло и кокетливо сопротивляющегося, впихивали на новое, последнее завоеванное им место: рядом с Васильчиковым.

И уж никто не сомневался в том, что в эту, десятую по юбилейному счету зиму, старику, наверное, не суждено снова победно и бодро переть бородой и натужным фасом <...> – дела его были неважные; не сомневался в своей победе и Радкевич, – хотя нет, неправда, все-таки иногда и сомневался: старик <...> выглядел уж слишком самоуверенно» [12]. «Последнюю всепобедно фанфаровую расправу над ним он <Радкевич> с бережливостью и вкусом рас-

четливого лакомки приберегал к главному дню – дню общего собрания.

И все обстояло как нельзя лучше, все складывалось в полном согласии с его тайными, выпестованными в многочисленных подвижнических трудах замыслами; было готово все <...> – отливающая лоском совершенства всепобедная речь его, повестки, объявления, и был предусмотрен даже фотограф: теперь он уже нисколько не сомневался в своей победе. Он еще заметнее за эту зиму подрос, выпятился, задрался носом; в голосе его заблестал металл, глаза затянуло надменной поволокой. Но тут – он ахнул, схватился за голову – куцега, полнокровного, вспухшего от нестерпимых обид Васильчикова хватил апоплексический удар» [14].

«Васильчикова похоронили, и погребальная церемония <...> даже приглянулась Радкевичу, даже взбодрила его своею чопорною ритмичностью и чистотою исполнения <...> Всхлипывающая <...> музыка неслышно звучала и потом в особнячке во время траурного чествования, когда Цык, <...> Браудэ и уже опять заледеневший в корректности Радкевич говорили о заслугах покойного, незримое присутствие которого все мы в настоящую минуту ощущаем, господа, – и действительно: наспех увеличенный и обвитый по бордюру черными лентами Васильчиков как ни в чем не бывало пер бородой и фасом – будто и не помирал вовсе. И с беспокойством и с надеждою ожидал от него Радкевич дальнейших диверсий.

Но увы, увы, Васильчиков <...> перестал быть, несмотря на всю свою заупокойную бодрость, <...> со смертью его что-то катастрофически тронулось, подалось в некогда внешне разноголосом, однако же крепком своею потаенною ладностью, высоком, симфоническом быту особнячка, подалось непоправимо <...>» [14-15].

Смерть «подсизживаемого» Радкевичем Васильчикова обернулась кануном его собственной катастрофы: «<...> удар, уготованный им старику, по извилистому и небезопасному закону бумеранга – он не постерегся – поразил в темечко его самого <...>» [17]. Предпринятые им после похорон попытки оживить внутреннюю жизнь «Общества» провалились; вскоре вслед за тем вернулись его прежние беды и фобии, повлекшие разлад с таким трудом налаженного им быта, утрату физического здоровья (см.: «Это был конец – <...> все вокруг него и внутри его подплывало неким шатким туманцем всерападения, подобным тому, который впервые тлетворно одурманил его в день смерти Васильчикова, <...> – он в отчаянии, на глазах у всех уменьшался в росте, терял осанку, шарм жеста, и у него рос горб, оттопыривались уши, <...> от недавнего его накрепко, наглухо счастливого молодечества не оставалось ничего» [17]), а затем и нарушение душевного равновесия. Последнее, в свою очередь, обострило мнительность героя, породило в нем манию пре-

следования, усугубило и без того неадекватное восприятие действительности (сослуживцы стали представляться ему оборотнями [см. 20]) и, в конечном итоге, привело к тому, что однажды он самовольно покинул место службы, которой в свое время столь напористо добивался. Завершающее рассказ его исчезновение преподнесено с налетом фантазмагии: «Никто его не задерживал, никто не заметил» [21].

Вернемся к интерпретации *ПИ*, данной Адамовичем. Суждения авторитетнейшего критика эмиграции, посвященные трем внешне различным проблемам (художественный метод Иванникова¹⁵, «У кого Мих. Иванников учился?»¹⁶ и характер главного героя¹⁷), на деле актуализируют одну, главную, на которой, как правило, и сосредоточивалось основное внимание всех когда-либо писавших об иванниковском творчестве, в том числе (в предвоенные годы) и самого Адамовича. Это – проблема отношения Иванникова к различным отечественным повествовательным традициям. В случае с *ПИ* рассмотрение данной проблемы оказывается тем более актуальным, что рассказ этот, как совершенно справедливо подметил тот же Адамович, – «сделанный»: отображение в нем несемантизированной

¹⁵ «“Правила игры” – рассказ, который, разумеется, не может нравиться тем, кому в творчестве дороги непринужденность, безыскусственность, все то общее, что обычно определяется расплывчатым, опасным и загадочным словом “простота”. Поистине об Иванникове можно было бы заметить, что он “словечка в простоте не скажет”, а читатель, которого в конце концов привели бы в ужас и раздражение все его стилистические фокусы, вспомнил бы, пожалуй, и Тургенева: “воняет литературой”. Да, совершенно верно, литература эта ни на минуту не дает иллюзии, будто она литературой быть перестает, будто грань между нею и жизнью или жизненной правдивостью окончательно уже стерта. Нет сомнения, что великие наши законодатели “правдивого” жанра, Толстой и Чехов, прочли бы “Правила игры” с недоумением и даже отвращением. Но это – не довод против такого рода писаний, во всяком случае – довод не против Иванникова исключительно, а против всего, что произошло в литературе и искусстве за последние полвека, и о чем судить надо бы в целом, приняв во внимание общеисторические и общекультурные причины *происшедшего*» (Адамович Г. <Рец.> «Новый журнал» <№44> // Русская мысль. 1956. №921, 5 июля).

¹⁶ «Прежде всего, по-видимому, у Андрея Белого. Самая фраза его звучит, как фраза Белого, с напоминающим “Петербург” или “Котика Летаева” нагромождением диковинных эпитетов, то никчемных, то блестяще удачных, с прерывистым, будто спотыкающимся ритмом, с язвительным юмором, подсаживающим внезапные перебои этого ритма» (Там же).

¹⁷ «Герой рассказа – некто Радкевич, ведущий двойное существование: с одной стороны, он среди иностранцев, на службе – новейшая разновидность Акакия Акакиевича Башмачкина, готовый обратиться к окружающим с бессмертным башмачкинским вопросом: “зачем вы меня обижаете?”, с другой – он видный член “общества”, подкапывающийся под членов еще более видных, и сам себе представляющийся, значит, величиной, особой, персоной» (Там же).

действительности явно отступает на второй план, уступая место решению сугубо литературных задач.

Поэтику и прагматику такого специфического текста мы и попытаемся выявить ниже.

В этой связи напомним: судя по воспоминаниям близко и долго знавшей Иванникова Е.Л.Таубер, «Бунин, Толстой и Чехов были его любимыми писателями. Достоевского он не любил»¹⁸. Отклики критиков и литературоведов на тексты раннего Иванникова демонстрировали полное соответствие приоритетам самого писателя (печатно, впрочем, им нигде не заявленным): в качестве традиции, наследуемой и развиваемой начинающим автором, указывалась (и продолжает указываться) идущая от Толстого чеховско-бунинская повествовательная традиция¹⁹. В этом плане характерно заглавие уже первого рассказа Иванникова, корреспондирующее с названием знаменитой чеховской повести – «В степи» (1924), тематически он очевидно перекликается с чеховскими же «В овраге» и «Мужиками», с бунинскими «Деревней» и «Суходолом». В свою очередь, о рассказе «Лорд» (1931) современный сербский исследователь О.Джурич справедливо заметил: «Это та разновидность лаконичного чеховского рассказа, где животные открывают свою печальную душу таким же образом, как и несчастный человек»²⁰.

В повести «Сашка» (1935), по мнению Адамовича, влияние Бунина было очень заметно: «все <...> взято не то из “Жизни Арсеньева”, не то из “Деревни”, и все подернуто идущей от Бунина словесной прелестью»²¹. Сходным образом высказался и В.Ходасевич:

¹⁸ Таубер Е. Годы дружбы с М.Д. Иванниковым. С.95. Завороженность творческой манерой Бунина и восхищение его личностью сохранились у Иванникова буквально до конца жизни: согласно той же Таубер, «Бунин был его кумиром. О “Жизни Арсеньева” он мог говорить часами. <...> Даже в своем последнем письме ко мне, за два месяца до кончины, он писал: “Бунин был и остался моею самой большою любовью в русской литературе. Его все больше и больше печатают в России... А в Западной Европе, несмотря на его лауреатство, он будет всегда чужим, автором единственно понятного иностранцам “Господина из Сан-Франциско”, которого я, со всеми его потрохами, отдам за одну страницу “Суходола”, не говоря уже о “Днях Арсеньева”, самой блистательной русской прозе за последние полстолетия”» (Там же. С.94).

¹⁹ Этому противоречит лишь мнение Б.Кодзиса, никак, правда, не аргументированное: «Прозаики <...> М.Иванников, В.Федоров в своих первых произведениях испытали влияние А.Ремизова, Б.Пильняка и советской “орнаментальной прозы”» (Кодзис Б. Литературные центры русского зарубежья. 1918–1939. Писатели. Творческие объединения. Периодика. Книгопечатание. München, 2002. С.257).

²⁰ Ђурић О. Руска литерарна Србија 1920–1941. С.125.

²¹ Адамович Г. <Рец.> «Современные записки», кн. 57-я. Часть литературная // Последние новости. 1935. №5082, 21 февраля.

согласно ему, повесть «всецело» укладывалась «в рамки той добротной реалистической традиции, которая давно уже не способна ничем удивить — зато и спасает автора от риска, неизбежно сопряженного со всяким новаторством или экспериментаторством. Если искать прямых учителей Иванникова, то придется назвать Бунина, Куприна. Скорее, впрочем, первого из них, так как Иванников более склоняется к бескрасочной, гравюрной манере Бунина, нежели к стилю Куприна, всегда живописному»²².

Однако уже в откликах на повесть «Дорога» (1937–1938) обозначился знаменательный разноречивый критических мнений: если Адамович указал на первостепенное значение для ее автора традиции Достоевского²³, то гораздо более его нахваливавший «Дорогу» В.Ходасевич усмотрел в ней «влияние» В.Сирина-Набокова²⁴. Правыми оказались (каждый по-своему) оба критика: на деле «Дорога» замышлялась и создавалась Иванниковым как произведение принципиально гетерогенное и металитературное, в нем Иванников демонстративно столкнул две полемичные по отношению друг к другу отечественные традиции художественной наррации, дабы тем самым наглядно утвердить актуальность и неослабевающую продуктивность линии русского классического реализма, идущей от Пушкина через Толстого к Чехову и далее — к Бунину и к В.Сирину, не менее наглядно противопоставив ее развиваемой преимущественно модер-

²² Ходасевич В. <Рец.> Книги и люди: «Современные записки», кн. 57 // Возрождение. 1935. №3592, 4 апреля.

²³ См., в частности: «Конечно, иванниковский герой — не Алеша Карамазов, но в дальнейшем с ним родстве он, пожалуй, все-таки состоит» (Адамович Г. <Рец.> «Современные записки», №66. Часть литературная // Последние новости. 1938. №6276, 2 июня). Чуть выше несколько раздраженным тоном Адамович риторически вопрошал: «Но невольно хотелось все-таки спросить: как можно писать так, после Пушкина, Толстого и хотя бы Чехова? Что это, новизна? Что это, завоевание, движение вперед? В вопросе был бы заключен и приговор, если бы литературные формы существовали и развивались сами по себе. Но они — лишь отражение того, что происходит в сознании художника, и нельзя о них судить независимо от человека. Ну, а человеку законы не писаны, и то, что просто для одного, то вычурно для другого — и никакая “уравниловка” тут не применима. В природе все естественно только потому, что все ограничено (органично? — А.Д.)» (Там же).

²⁴ См.: «В манере письма на этот раз у Иванникова чувствуется некоторое влияние Сирина, но я говорю это совсем не в упрек ему. Сирин сейчас — самый сильный из новых авторов, и нет ничего ни удивительного, ни стыдного в том, что его влияние сказалось у такого еще молодого писателя, как Иванников. Если угодно, тут есть даже признак известного мужества, проявленного Иванниковым, который не побоялся учиться там, где учиться следует. Во всяком случае, “Дорога” мне представляется самой удачной вещью из всего, что случилось читать за подписью Иванникова» (Ходасевич В. <Рец.> Книги и люди: «Современные записки», кн. 65-я // Возрождение. 1938. №4120, 25 февраля).

нистами и авангардистами линии Достоевского». Соответственно, «ясная» и пластическая – толстовско-бунинская – манера образительности намеренно сочеталась в «Дороге» с модернистско-авангардными принципами моделирования персонажной и сюжетно-композиционной структур, а равно и с характерными для «нового искусства» приемами ввода и использования в тексте «чужого слова»²⁵.

Не предназначенное для печати и известное нам лишь из письма Адамовича Иваску определение *ПИ* как «смеси Сирина с Белым»²⁶, а также и его (подхваченное затем В.Казаком) указание на «двойственность» характера Радкевича²⁷ наводят на мысль о том, что в этом рассказе, появившемся спустя 18 лет после публикации «Дороги», Иванников вернулся к некогда апробированной стратегии претворения опыта своих литературных предшественников.

Принципиальная гетерогенность *ПИ* проявляется прежде всего в уже отмеченных нами амбивалентности и полисемии описания игры, занимающей Радкевича, и изображения самого «Общества», в котором он «играет», – они суть «подсказки» автора: аналогичным образом моделирован весь образный строй рассказа. И действительно: возьмем хотя бы географическую привязку разворачивающихся в *ПИ* событий. Казалось бы, страна, приютившая эмигранта Радкевича, легко определяется по неоднократно повторенной в тексте ономастике, передразнивающей язык аборигенов (см., например: «Чужой язык, двоюродный брат русскому, грубоватый, с частоколом крк-трк согласных, с дальней мелодией русского смысла – был ему не по зубам» [6]; ср.: «смысл коего за крк-трк частоколом» [6]; «долго и сердито из-за задиристого крк-трк частоккола чем-то угрожал ему» [20]). Но на деле подобным образом представленный язык может в равной степени оказаться как чешским, так и сербско-хорватским²⁸. В этой же связи укажем на демонстративное соседство

²⁵ Подробнее см. в нашей работе: *Данилевский А.А.* Из наблюдений над повестью М.Иванникова «Дорога». С.251-254, 267-269.

²⁶ Ср. в печатном отклике: «Мне пришлось слышать предположение о влиянии Набокова на автора “Правил игры”. Нет, Набоков гораздо глаже, стремительнее, эластичнее: здесь скорей Андрей Белый, да кстати и сарказмы автора над интеллигентствующими “бородачами”, руководителями некоего эмигрантского “Общества”, с жалкими интригами, сплетнями и борьбой самолюбий, напоминают страницы Белого, посвященные московским профессорам, приятелям его отца, известного математика Бугаева» (*Адамович Г.* <Рец.> «Новый журнал» <№44> // Русская мысль. 1956. №921, 5 июля).

²⁷ См. примеч. 17.

²⁸ Так, по-чешски звукосочетание “trk” составляет основу глагола «бодать», а по-сербско-хорватски – «бег», “krk” на чешском означает “шея”, а весьма схожее с ним “krka” на сербско-хорватском одновременно служит для обозначения супа из виноградного сока и болезни гусят.

в тексте *ПИ* взаимоисключающих описаний внешности протагониста: в повествовании четырежды подчеркивается его горбатость [см. 5, 17 и 19], однако здесь же, в середине текста, находим: «и почти совсем не горбатый» [13].

Отмеченная гетерогенность образной структуры *ПИ* получает закрепление на интертекстуальном уровне организации текста. Одновременно здесь же наиболее отчетливо эксплицирована и установка Иванникова на металитературность. Так, для моделирования образа Радкевича очевидна, с одной стороны, актуальность восходящей к Пушкину, Гоголю и к «вышедшим из “Шинели”» писателям традиции изображения «маленького человека», «бедного чиновника». Об ориентации на нее же свидетельствует и неоднократно обращаемый Радкевичем к самому себе призыв «Но спокойствие, спокойствие» [см. 9, 12], перекликающийся с «Ничего, ничего, молчание!», – этой своеобразной речевой визитной карточкой гоголевского Поприщина²⁹. Но, с другой стороны, в качестве релевантной для *ПИ* одновременно заявлена и иная – нацеленная на преодоление Гоголя и «натуральной школы» – традиция раннего Достоевского: фраза Радкевича «Но спокойствие, спокойствие» служит грамматически и интонационно-синтаксически закрепленной переключкой с фразой, которую произносит в «Скверном анекдоте» Достоевского псевдолиберал и статский генерал Пралинский, без приглашения, из псевдогуманных побуждений «пожаловавший» в дом своего подчиненного, типичного «бедного чиновника», и оказавшийся в ложной и неприятной для его самолюбия ситуации (ср. у Достоевского, в сцене позора и унижения Пралинского: «Нет, строгость, одна строгость и строгость! – шептал он <...> “Не выдержал!” – сказал он про себя и в бессилии опустил на стул»³⁰). В то же время это – отсылка к той душевной и духовной эволюции, которую проделал в раннем творчестве Достоевского позаимствованный им у Гоголя главный герой – пресловутый «маленький человек»: от господ Голядкина и Прохарчина и до подпольного парадоксалиста (ср. с приведенными выше отрывками

²⁹ См. в его «Записках» – от «Октября 4»: «Ничего, ничего, молчание!»; от «Ноября 8»: «<...> ничего, ничего... молчание»; от «Ноября 11»: «<...> ай, ай, ай! Ничего, ничего... молчание»; от «Ноября 12»: «<...> ничего, молчание!»; от «Ноября 13»: «Ай, ай!.. ничего, ничего. Молчание!». В свою очередь, убеждение Радкевича во всеобщей к нему враждебности явно имеет прецедентом этого же рода мироощущение Поприщина (см., например, в его записях – от «Ноября 13»: «Как будто я не знаю, чьи здесь штуки. Это штуки начальника отделения. Ведь поклялся же человек непримиримо ненавистию – и вот вредит да и вредит, на каждом шагу вредит»; от «Января того же года, случившегося после февраля»: «О, это бестия Полиньяк! Поклялся вредить мне по смерти. И вот гонит да и гонит...».

³⁰ Достоевский Ф.М. ПСС: В 30 т. Т.5. Л., 1973. С.44.

из *ПИ*, например, следующее высказывание героя «Записок из подполья»: «я чувствовал в эти минуты конвульсивные боли в сердце и жар в спине при одном представлении о мизере моего костюма, о мизере и пошлости моей шмыгающей фигурки. Это была мукамученская, непрерывное невыносимое унижение от мысли, переходившей в непрерывное и непосредственное ощущение того, что я муха, перед всем этим светом, гадкая, непотребная муха, – всех умнее, всех развитее, всех благороднее, – это уж само собою, – но непрерывно всем уступающая муха, всеми униженная и всеми оскорбленная»³¹).

Наконец, с третьей стороны, все то же «аутотренинговое» закливание Радкевича напрямую отсылает к весьма приметному произведению эмигрантской литературы – к опубликованному в 1928 в парижских «Современных записках» рассказу Б.Темирязева (Ю.П.Анненкова) «Домик на 5-ой Рождественской»³², – тексту подчеркнуто гетерогенной природы и с подчеркнутой же установкой на металитературность³³. Понятно, что прагматика такого рода отсылки – в манифестировании Иванниковым схожей природы собственного рассказа.

Таковую же прагматику имело, помимо всего прочего, и включение в повествовательную ткань *ПИ* переключек с «Мелким бесом» Сологуба³⁴, – еще одним текстом с принципиально гетерогенной образ-

³¹ Там же. С.130.

³² См. любимое изречение утрировано типичного «бедного чиновника», «маленького человека» Петушкова, например, в сцене, изображающей его унижение (во время сбора им подаяния) некими молодыми людьми в пору «военного коммунизма»: «Глеющий окурок <...> полетел в протянутую <Петушковым> шляпу. Это было очень остроумно, и молодые люди, весело засмеявшись, пошли дальше.

– Спокойствие, спокойствие, спокойствие, – твердил Петушков, продолжая неподвижно стоять <...>, и <...> рука, державшая шляпу, иногда вздрагивала <...>» (Темиряев Б. Домик на 5-ой Рождественской // Современные записки. 1928. №37. С.208); ср. в другом месте: «в этот решительный день он впервые произнес известное свое изречение:

– Спокойствие, спокойствие, спокойствие!

Петушков подолгу взвешивал слова прежде, чем облечь в них нужную мысль, и потом любил повторять удачную фразу в подходящих случаях» (Там же. С.199; ср.: Там же. С.211).

³³ См. об этом: Данилевский А. Домик на 5-ой Рождественской Ю.П.Анненкова и «Петербургский текст русской литературы» // Русская эмиграция: Литература. История. Кинолетопись: Материалы международной конференции. Таллинн, 12–14 сентября 2002 / Ред. В.Хазан, И.Белобровцева, С.Доценко. Иерусалим; Таллинн, 2004. С.44–69.

³⁴ Указано О.А.Лекмановым. Пользуемся случаем выразить признательность ему, А.С.Немзеру и другим коллегам-русистам, принявшим участие в обсуждении: нашего доклада «Статус писателя в рассказе М.Иванникова “Правила игры”», прочитанного 26 сентября 2004 в рамках прошедшей в Тарту междуна-

ной структурой и особо выраженным металитературным настроением³⁵. Речь идет прежде всего об очевидной ориентированности Радкевича – в его ипостаси всеми третируемого изгоя – на охваченного манией преследования Передонова (в этой связи вспомним в «Мелком бесе» прежде всего следующее: «злобно и коварно смотрели на Передонова и люди, и скоты. Все было ему враждебно, он был один против всех»³⁶). Особо показательной представляется вражда Радкевича с обитавшими на его лестничной площадке котами, совсем уж было им изгнанными, но затем вернувшимися и ознаменовавшими этим роковым своим возвращением жизненное фиаско героя и его последующее исчезновение (см.: «...Но однажды, когда он вот так неизменно опаздывая <...>, на ощупь <...> поспешал по ступенькам, ни с того, ни с сего, – а на самом деле, конечно, с предумышлением, – неожиданно и ярчайше во весь пролет полыхнула вдруг какая-то давно перегоревшая лампочка, – полыхнула, и он, пораженный и ослепленный ее внезапным <...> воскресением, вздрогнул, стал, – и сейчас же вздрогнул вторично: на нижней неправдоподобно яркой площадке, круто выгнувшись ворсистою ярко-черною дугою, змеевидно киваясь и ярясь концом вздетого кверху хвоста, его поджидал сумрачный и крупный кот, ходок и разведчик некогда изгнанной им отсюда стаи <...> Бесовские глаза его в большой и черной морде пылали. Радкевич покрылся мурашками, выпустил клычки, поднял трость – кот сгинул; но мгновенное зловещее и тошнотворное яркое видение его, да еще с утра, да еще на дороге, да еще в такое пронзенное опасностями время – ничего доброго не предвещало» [18-19]). История эта имеет своим очевидным прецедентом ситуацию с уже повредившимся в уме Передоновым, охваченным мистическим страхом перед собственным домашним котом³⁷, причем момент, ког-

родной конференции «Статус писателя в русской литературе XX века: Метрополия и диаспора». Особая благодарность – коллегам по тартуской кафедре русской литературы, Э.Успенски и М.Обижаевой (Белград), Н.Тамарович (Рига), Д.Б.Азиатцеву (Санкт-Петербург) и О.А.Коростелеву (Москва).

³⁵ См. об этом: *Минц З.Г.* О некоторых «неомифологических» текстах в творчестве русских символистов // Творчество А.А.Блока и русская культура XX века: Блоковский сб. III. Тарту, 1979. С.106-114 и др. (Ученые записки Тартуского университета. Вып. 459).

³⁶ *Солозуб Ф.* Мелкий бес: Роман. Рассказы / Сост., вступит. ст. В.В.Ерофеева; коммент. О.И.Дарка. М., 1989. С.240. Ср. в др. местах: «А на земле, в этом темном и вечно враждебном городе, все люди встречались злые, насмешливые. Все смешалось в общем недоброжелательстве к Передонову, собаки хохотали над ним, люди облайвали его» (Там же. С.215); «На улице все казалось Передонову враждебным и зловещим» (Там же. С.178).

³⁷ См., напр.: «“Точно оборотень”, – пугливо подумал <о коте> Передонов» (Там же. С.113); «Но Передонов вдруг нахмурился. Кот уже стал ему страшен, и чиханье его показалось ему злою хитростью. “Начихает тут чего не надо”, –

да этот страх достигает максимума, оказывается кануном жизненной трагедии Ардалиона Борисовича (сумасшествие и убийство им Володина, – ср. с ситуацией в *ПИ*).

Кроме того, посредством переключек с «Мелким бесом» в *ПИ* актуализируются темы безумия и «бесовства» главного героя³⁸, в особенности – тема карточной игры³⁹. Этому же служит очевидная ориентированность охваченного азартом Радкевича на главного героя «Игрока» Достоевского (в том числе – и в ипостасях «заграничный русский» и «герой-идеолог»). Вспоминается при чтении *ПИ* и рассказ Л.Н.Андреева «Большой шлем» (особенно изображение в его финале внезапной смерти одного из играющих).

Очевидна, наконец, и спроецированность Радкевича на всецело поглощенного шахматными ристалищами набоковского Лужина, как очевидны, впрочем, и различия в их характерах и жизненных судьбах. Прагматика данной проекции – в расширении *pes plus ultra* амбивалентности и полисемантической понятия игры в рассказе.

Особого внимания заслуживает использование в *ПИ* фамилии «Васильчиков». Известно, что Васильчиковы – древний дворянский род, с 1839 – княжеский, многие представители которого после Октября оказались в эмиграции⁴⁰, а некоторые из них даже проживали

подумал он, полез под кровать и принялся гнать кота. Кот дико мяукал, прижился к стене и вдруг, с громким и резким мяуканьем, шмыгнул меж рук у Передонова и выскочил из горницы.

– Черт голландский! – сердито обругал его Передонов.

– Черт и есть, – поддакивала Варвара, – совсем одичал кот, погладить не даешь, ровно в него черт вселился» (Там же. С.206-207); «Кота и не было, – померещился он Передонову, – кот с широко-зелеными глазами, хитрый, неутомимый враг» (Там же. С.215); «И кот грозил Передонову, сверкал глазами и мяукал дерзко и грозно» (Там же. С.229). Отметим наделение животных в обоих случаях – и у Сологуба, и в *ПИ* – ярко выраженными супранатуральными атрибутами.

³⁸ См. об этом: *Мицц З.Г.* О некоторых «неомифологических» текстах в творчестве русских символистов. С.111.

³⁹ В этой связи см., например, в комментариях О.И.Дарка к сологубовскому роману: «В “Мелком бесе” тема карточных игр, карт особенно важна. Это стихийное, непредсказуемое, роковое (бесовское) начало, вносимое в грубую, заданную, запрограммированную, как аристон, действительность» (*Сологуб Ф.* Мелкий бес. С.471).

⁴⁰ Например, кн. Борис Александрович Васильчиков (1860–1931; Ментона, Франция), шталмейстер Двора е. и. в., псковский губернатор (1900–1903), главноуправляющий землеустройством и земледелием (1906–1908) в правительстве П.А.Столыпина, член Государственного Совета с 1906 по 1917; эмигрировал в 1920, автор воспоминаний, изданных его племянником, зарубежным историком и литератором (см.: *Васильчиков Б., кн. 1*) Воспоминания: Об охоте и не только о ней...: <Фрагм. 3-х гл. кн.> / Предисл., публ. и примеч. Г.И.Васильчикова // Наше наследие. 2002. №63/64. С.104-127; 2) Воспоминания. Псков, 2003). В этой связи см. также воспоминания кн. Иллариона Сергеевича

до середины 1920-х в столице Воеводины – г. Нови Сад, т. е. в непосредственной близости от Белграда, с которым с 1921 оказалась связанной судьба Иванникова (там поселились его родители) и в котором он сам окончательно осел в мае 1930. Однако для Иванникова важным было напоминание не о них, а о самом известном Васильчикове – об Александре Илларионовиче (1818–1881), который прославился как публицист либерально-народнического направления, как общественный деятель-земец, писатель и, самое главное, как секунд-данти в роковой дуэли Лермонтова с Мартыновым (конечно же, детально памятной автору *ПИ*, родившемуся поблизости от Пятигорска). Привлекая эту фамилию, Иванников актуализировал для восприятия и понимания *ПИ* лермонтовскую традицию, прежде всего – с целью понудить читателя соотнести строки, написанные по поводу гибели Пушкина, с участью «своего» Васильчикова: «Пал, оклеветанный молвой, / <...> / Поник он гордой головой!... / Не вынесла душа поэта / Позора мелочных обид, / <...> к чему теперь рыдания, / Пустых похвал ненужный хор...» Нужно ли в этой связи напоминать, что «На смерть поэта» – также металитературный текст?

Но главным ориентиром для Иванникова в работе над *ПИ* оказалась непосредственно сама пушкинская прозаическая традиция и, конкретнее, канонизированная им в русской литературе тема «карточной игры» (по-своему, напомним, продолженная Гоголем, Лермонтовым, Л.Толстым, Достоевским в «Игроке»⁴¹ и с оглядкой на

Васильчикова (1881–1969) и кн. Марии Илларионовны Васильчиковой (1917–1978, Лондон) и особенно «Предисловия» к ним Г.И.Васильчикова (*Васильчиков И., кн.* То, что мне вспомнилось...: Из архива семьи Васильчиковых / <Подгот. текста, предисл., послесл. и коммент. Г.И.Васильчикова>. М., 2002; *Васильчикова М., кн.* Берлинский дневник. 1940–1945 <Из архива семьи Васильчиковых; Пер. с англ.> / Предисл, послесл., коммент. и примеч. Г.И.Васильчикова. М., 1994).

⁴¹ В этой связи напомним наблюдение В.Б.Шкловского: «Годы, карты заменяли жизнь. Германн в “Пиковой даме” Пушкина пытался выиграть удачу. Игра давала иллюзию жизни. Выигрыш в игре давал иллюзию, что можно выиграть счастье. Проигрывались поэмы, имения. Гоголь написал комедию “Игроки”. В поэме Лермонтова “Казначейша” чиновник проигрывает гусару жену. Жизнь была заперта. Играли все. Играл Некрасов. Играл, проигрывая в карты и бильярд, Толстой и написал “Записки маркера”, “Два гусара”. Играл в молодости Достоевский и написал повесть “Игрок”» (*Шкловский В.* Повесть о художнике Федотове. М., 1965. С.177-178). В этой же связи напомним, что в 1841 Лермонтовым была также написана повесть «Штосс», а в самом начале его «Фаталиста» находим строки, с которыми отчасти перекликается сюжет *ПИ*: «Он (Вулич. – А.Д.) был родом серб <!>, как видно было из его имени. <...> Он был храбр, говорил мало, но резко; никому не поверял своих душевных и семейных тайн <...>. Была только одна страсть, которой он не таил: страсть к игре. За зеленым столом он забывал все и обыкновенно проигрывал; но постоянные неудачи только раздражали его упрямство».

которую писали «Мелкого беса» Сологуб⁴² и «Защиту Лужина» Набоков⁴³). Читатель, впервые ознакомившийся с сообщением о том, как Радкевича раздрало желание «ринуться поскорее к зеленому боевому столу, <...> распахнутому посредине комнаты <“Общества”>», предрасположен воспринять эти строки как вступление к последующему изображению именно карточной игры, – по аналогии с «Пиковой дамой»⁴⁴ и вслед за ней. Соответственно первоначальное желание Радкевича удержать себя до поры до времени от вступления в игру напрямую соотносится с известными строчками из первой главы «Пиковой дамы»: «— А каков Германн! – сказал один из гостей, указывая на молодого инженера, – отроду не брал он карты в руки, отроду не загнул ни одного паролы, а до пяти часов сидит с нами и смотрит на нашу игру! – Игра занимает меня сильно, – сказал Германн, – но я не в состоянии жертвовать необходимым в надежде приобрести излишнее».

Столь же очевидно переключается душевный склад Радкевича с характеристикой пушкинского Германна во второй главе повести: «Впрочем, он был скрытен и честолюбив <...>. Он имел сильные страсти и огненное воображение, но твердость спасла его от обыкновенных заблуждений молодости. Так, например, будучи в душе игрок, никогда не брал он карты в руки, <...> а между тем, целые ночи просиживал за карточными столами и следовал с лихорадочным трепетом за различными оборотами игры».

Наконец, нельзя не отметить актуальность для *ПИ* in соgrope фразы «Вся наша жизнь – игра» Германа оперного⁴⁵.

⁴² См. об этом: *Миц 3.Г.* О некоторых «неомифологических» текстах в творчестве русских символистов. С.112.

⁴³ В этой связи см. у А.А.Долинина: в «Защите Лужина» «Набоков, по-видимому, осознанно отталкивался от концепции игры в “Пиковую даму”, заменяя карты (игру случая) на шахматы (игру расчета) со всеми вытекающими отсюда последствиями. <...> По тонкому замечанию Е.А.Тоддеса, <...> с которым я полностью солидарен, почти вся русская проза Набокова вышла из “Пиковой дамы”» (*Долинин А.* Истинная жизнь писателя Сирина: Работы о Набокове. СПб., 2004. С.56, примеч. 13).

⁴⁴ Ср. во второй главе повести: «Поздно воротился он <Германн> в смиренный свой уголок; долго не мог заснуть, и, когда сон им овладел, ему пригрелись карты, зеленый стол, кипы ассигнаций и груды червонцев».

⁴⁵ Ср. со сходной ситуацией в «Защите Лужина»: «В восьмой главе романа имеются и две аллюзии к “Пиковой даме”: сначала будущий тесть Лужина задает ему нелепый вопрос, который проецирует на шахматы карточную мечту Германна <...>; вскоре после этого упоминается некая престарелая княгиня Уманова, “которую называли пиковой дамой (по известной опере)”. Отсылка к опере Чайковского (которую Набоков не любил) вместо повести Пушкина – типичный набоковский прием полусокрытия прямо не названного подтекста» (*Долинин А.А.* Истинная жизнь писателя Сирина. С.56, примеч. 13).

Ориентацией на повесть Пушкина (и музыкально-поэтический текст братьев Чайковских) обусловлено в *ПИ* и «традиционное сопряжение игорного ритуала и похорон»⁴⁶, и бесславный конец отмеченного печатью рока Радкевича. В свою очередь, «идея роковой обреченности героя, который стремится самоутвердиться или трансформировать реальность процессуальностью игры, обуславливает своеобразную мифологизацию игорного пространства»⁴⁷.

В этом плане обращают на себя внимание подчеркиваемые Иванниковым лопухость Радкевича, целенаправленное наделение его образа зооморфными – «хищническими» – атрибутами и коннотациями⁴⁸ (оборотничество⁴⁹) и особенно его горбатость. Горб, как известно, форма «хтонической асимметрии», «которой в мифе и фольклоре часто наделяются персонажи демонической природы, живущие в пограничной зоне между мирами живых и мертвых. <...> восходящие к фольклору, <они> встречаются и в новой литературе – обычно в роли носителей недобрых, вредоносных начал»⁵⁰. Актуализированный Иванниковым в «Правилах игры» контекст «Пиковой дамы» позволяет «дешифровать» мифологизированную подоплеку изображаемых в *ПИ* событий и самого образа главного героя. Одним из «ключей-шифров» к пониманию сокровенной сути Радкевича служат строки из четвертой главы пушкинской повести: «– Этот Германн, – продолжал Томский, – лицо истинно романтическое: у него профиль Наполеона, а душа Мефистофеля»⁵¹.

⁴⁶ *Спроге Л.* Рассказ Г.Адамовича «Рамон Ортис»: Дискурс игры // Культура русской диаспоры: Саморефлексия и самоидентификация: Материалы международного семинара. <Тарту, 1997>. С.221.

⁴⁷ Там же. С.220.

⁴⁸ См., например: «Радкевич, с мелкими, хищноватыми, вдоль щеки мешочками» [6]; «хищно ощерясь где-нибудь в уголку зальца» [8]; «И Радкевич тоже задирает брови в мелком, хрящевато хищном лице своем» [11]; «Радкевич, с лирическим клеточком в голосе» [15]; «И Радкевич вынул клячки и со страхом и наслаждением хлестал их тростью, и, чего греха таить, и сам немного попорскивал, пошипывал» [7; ср. 16, 18].

⁴⁹ В данной связи см. определение новейшего специалиста по данному вопросу: «Слово “оборотень” означает человека, способного принимать облик животного» (*Пелевин В.* Священная книга оборотня. М., 2004. С.211).

⁵⁰ *Щеглов Ю.К.* Комментарий к роману «Двенадцать стульев» // Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев: Роман. М., 1995. С.614. В этой же связи вновь вспомним Лермонтова – самое начало его «Тамани»: «Признаюсь, я имею сильное предубеждение против всех слепых, кривых, <...> горбатых и проч. Я замечал, что всегда есть какое-то странное отношение между наружностью человека и его душою».

⁵¹ Выявляющееся таким образом «наполеоноподобие» Радкевича эксплицитно закреплено неоднократным упоминанием его головного убора («по плечи ему “здравствуй-прощай”» [5]; ср. в другом месте: «его соломенное “здравств-

Итак, «оборотень», «демон», «мелкий бес», «сатанинское отродье» и «наполеон из эмигрантов»... Прагматика всех этих уподоблений и, соответственно, общий замысел *ПИ* могут быть поняты лишь после освещения проблемы прототипов. У Радкевича их, как минимум, три, и все они имеют отношение к русской литературе XX в. – в различной мере и по-разному.

Первый из них – Константин Болеславович Родзевич (в некоторых источниках – Радзевич; 2 ноября 1895, С.-Петербург⁵² – конец февраля 1988, под Парижем), ко времени написания *ПИ* уже «увековеченный» в истории отечественной изящной словесности стараниями любившей его М.И.Цветаевой: «Большое чувство, связавшее Ц<ветаеву> и Родзевича осенью 1923 г. <в Праге>, нашло отражение и в лирике и в двух поэмах Ц<ветаевой> (“Поэме Горы” и “Поэме Конца” (1924))»⁵³.

О несомненной ориентированности образа Радкевича на К.Б.Родзевича свидетельствуют, прежде всего, очевиднейшая перекличка их фамилий, затем наличие определенного сходства во внешнем облике (подобно Родзевичу, герой *ПИ* низкорослый, но при этом не лишен изящества⁵⁴) и, наконец, сам факт неоднократного пересечения жизненных путей Иванникова и человека, чью прототипичность мы здесь пытаемся обосновать. В этой связи напомним, что «осенью 1924 Михаил Иванников поступил на Русский юридический факультет в Праге»⁵⁵. К тому времени К.Б.Родзевич проучился на этом же

вуй-прощай”, слишком все-таки вызывающее, слишком все-таки за границу приподдавшее» [8]), – этой трагестии Бонапартовой треуголки.

⁵² *Бросса А.* Групповой портрет с дамой: Гл. из кн. «Агенты Москвы» / Пер. с франц. Е.Погожевой // Иностранная литература. 1989. №12. С.228. И.Кудрова годом рождения Родзевича называет 1896 (см.: *Кудрова И.* Комментарии // Цветаева М. Письма к Анне Тесковой / Подгот. изд., предисл. и коммент. И.Кудровой; вступит. ст. З.Матгаузера и В.Морковина. СПб., 1991. С.169).

⁵³ Там же. О К.Б.Родзевиче см. также: *Саакянц А.* Комментарии // Цветаева М. Соч.: В 2 т. / Сост., подгот. текста, вступит. ст., коммент. А.Саакянц. Т.1. М., 1988. С.670-671; *Лосская В.* Марина Цветаева в жизни. Неизданные воспоминания современников. <М.> 1992. С.81-102 и др.; *Швейцер В.* Быт и бытие Марины Цветаевой. М., 2003. С.279-291, 404.

⁵⁴ Так, по свидетельству Ариадны Эфрон, «он был миниатюрный весь, деликатный» (цит. по: *Лосская В.* Марина Цветаева в жизни. С.82); близко знавший его эмигрантский поэт А.В.Эйснер вспоминал: «<Константин> Болеславович был красивый, изящный человек, небольшого роста, чем-то он напоминал мне Андрея Болконского» (Там же. С.83); приведем также отзыв евразийца П.П.Сувчинского: «un petit coq <маленький петух>» (Там же). По словам бывшего эмигранта, а затем сотрудника НКВД К.Хенкина, Родзевич (под чьим руководством он сражался в Испании в 1936–1938) «прилагал немало усилий, чтобы казаться выше своих 165 сантиметров» (цит. по: *Бросса А.* Групповой портрет с дамой. С.227).

⁵⁵ *Белошевская Л.Н., Нечаев В.П.* Михаил Дмитриевич Иванников. С.247.

факультете Карлова университета как минимум год и стал – благодаря своей социальной и политической активности – весьма заметной фигурой в эмигрантских молодежных кругах, о чем свидетельствует хотя бы тот факт, что именно он был избран председателем прошедшего 22 ноября 1924 общего собрания Союза русских студентов⁵⁶, которое первокурсник Иванников едва ли отважился проигнорировать.

Однако даже если быстро сообразивший, «что из него никогда не выйдет юриста»⁵⁷, и летом 1925 уехавший из Праги в Белград, где жили его родители и сестра, Иванников манкировал этим и иными подобного рода мероприятиями, он все же не мог разминуться с человеком, чей любовный роман с М.Цветаевой «“вся <русская> Прага” знала, обсуждала и судила»⁵⁸. Знакомство, пусть и «шапочное», наверняка состоялось: слишком много было у них общих знакомых – как в студенческом, так и в литературно-журнальных кругах. А Иванников в Праге с головой окунулся в литературу: активно посещал пражский литературный кружок «Далиборка», впервые выступил в печати – в пражском студенческом журнале «Своими путями» (в №1 за 1924 опубликовал рассказ «В степи»), а 8 декабря 1924 уже представил один из своих рассказов на собрании пражского «Скита поэтов»⁵⁹ и вскоре стал его полноправным членом (под номером двенадцать)⁶⁰. Между тем, человеком, отобравшим для публикации текст Иванникова, был один из редакторов журнала «Свои-

⁵⁶ См. об этом: Хроника культурной, научной и общественной жизни русской эмиграции в Чехословацкой республике / Под общ. ред. Л.Белошевской. Прага, 2001. Т.1: 1919–1929. С.170. Здесь же см. информацию и о других акциях того же года с участием нашего героя: «23 января <...> – НАЦИОНАЛЬНОЕ СТУДЕНЧЕСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ. Обмен мнениями по беседе на тему “Духовные и душевные основы эмиграции”. В дискуссии приняли участие С.А.Острогорский, А.А.Хитков, К.Б.Родзевич (здесь и ниже курсив наш. – А.Д.), А.Б.Эфрон, Я.Н.Зеленкин, В.И.Завадский, К.К.Цегоев, П.Л.Дружинин, А.Ф.Рафальский. Заключительное слово – П.Б.Струве» (Там же. С.130); «26 августа – Заседание РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО СТУДЕНЧЕСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ в связи с предстоящей конференцией Русского национального союза. Доклады Б.Н.Неандера, В.И.Власьева. В прениях выступили П.Н.Савицкий, ген. И.В.Новицкий, кн. П.Д.Долгорукий, К.Б.Родзевич» (Там же. С.160).

⁵⁷ Белошевская Л.Н., Нечаев В.П. Михаил Дмитриевич Иванников. С.248. Здесь же узнаем, что за время обучения «он сдал один зачет и не сдал ни одного экзамена».

⁵⁸ Швейцер В. Быт и бытие Марины Цветаевой. С.285.

⁵⁹ См. об этом: Волинский М. <Рафальский С.М.> Последний долг; Белошевская Л.Н., Нечаев В.П. Михаил Дмитриевич Иванников. С.247.

⁶⁰ «20 марта 1925 Иванников выступал на вечере “Скита”, организованном Чешско-русским объединением и Союзом русских писателей в Чехословакии» (Там же).

ми путями», студент-философ С.Я.Эфрон⁶¹ – муж Цветаевой и близкий друг и единомышленник Родзевича⁶²; «скитовцы» же Цветаеву читали и высоко чтили, изначально поддерживая с нею дружеские и творческие отношения (и даже провели 20 ноября 1922 «Интимный вечер “Скита поэтов” с участием Марины Цветаевой»⁶³), так что один из основателей «Скита» и многолетний близкий друг Иванникова С.М.Рафальский⁶⁴ наверняка подробно поведал ему

⁶¹ О степени их знакомства можно судить по следующему пассажиру в письме Эфрона (от 1–5 февраля 1927, Париж) Е.Л.Недзельскому, другому редактору журнала «Своими путями»: «Помните Иванникова? Он в Сергиевском Подворье студентом. Никогда бы не подумал» (Письма Сергея Эфрона Евгению Недзельскому / Публ. Л.В.Зубовой; примеч. Е.И.Лубянской, Л.В.Зубовой, Е.Б.Коркиной, Г.В.Ванечковой. Аbo; Turku, 1994. С.42).

⁶² «Скитовец» А.В.Эйснер сообщал по этому поводу: когда Родзевич в 1920 очутился в Константинополе, «он познакомился с Эфроном, который его завлек в Прагу – учиться. Этот человек был абсолютной противоположностью Сережи: ироничный, мужественный, даже жестокий» (цит. по: *Лосская В.* Марина Цветаева в жизни. С.83). Эйснера дополняет дочь Цветаевой и Эфрона: «Следует помнить, что К<онстантин> Б<олеславович> приехал в Берлин вместе с Сергеем Яковлевичем и был его другом. Их тогда связывали общий пройденный путь, стремления и идеалы. <...> я К.Б. расспрашивала. Он рассказывал о своем друге <...>: “<...> Сергей Яковлевич был искренний и правдивый человек, но увлекающийся. <...> Я сам тогда не имел твердой и ясной политической позиции. <...> Я был моряком, но не был белогвардейцем. Сергей Яковлевич же был добровольцем. Потом он сам писал о своем разрыве с добровольцами. Он был слишком искренний <...> Сам я тогда был очень слаб и в отношениях с ней (М.Цветаевой. – А.Д.), и вообще: я был разбросан, политически захвачен <...> Была и дружба с Сережей, виновность перед ним... <...>, а я был на распутье: полуэмигрант <...>, у меня самого не было твердой позиции <...> я был на бездорожье. <...> Я сомневался, моя личная жизнь была неустроена, у меня не было настоящих устоев, ни бытовых, ни идеологических, нам обоим было трудно...”» (Там же. С.90-91). См. также: «В своей книге “Страницы воспоминаний” она <А.С.Эфрон> упоминает о Родзевиче, не называя его: “<...> скажу, что Сережа любил его, как брата”» (*Бросса А.* Групповой портрет с дамой. С.235). А вот с точки зрения хорошо знавшего обоих П.П.Сувчинского, у Родзевича «были странные отношения с Сергеем Яковлевичем. Но в связи с ним она <М.Цветаева> написала величайшую поэму. А это самое важное»; он же указывал: «История с К.Б. была в Праге. А когда они все появились в Париже, всем известно было абсолютно и несомненно, что Мур был сыном К.Б.» (цит. по: *Лосская В.* Марина Цветаева в жизни. С.83, 100).

⁶³ См. об этом: «Скит». Прага 1922–1940. С.703.

⁶⁴ См.: «Иванников поступил на Русский юридический факультет в Праге. Кроме того, он участвует в работе Института изучения России, в Социальном кабинете, руководимом К.Р.Кочаровским <...> Там он знакомится с Сергеем Рафальским, дружба с единственным из “скитников” будет продолжаться всю жизнь. Даже после того, как оба уехали из Праги в разные страны Европы, они продолжали переписываться. <...> Со “Скитом поэтов” М.Иванникова познакомили С.Рафальский и К.Р.Кочаровский» (*Белошевская Л.Н., Нечаев В.П.* Михаил Дмитриевич Иванников. С.247).

как о перипетиях пражского романа Цветаевой, так и о ее избраннике⁶⁵.

Следующая встреча (или встречи) автора *ПИ* с К.Б.Родзевичем не могла не произойти в Париже, где они оба оказались в конце 1920-х: Иванников, (видимо, с осени 1926 года) учился в Богословском институте на Сергиевском подворье, Родзевич же, к тому времени уже закончивший Карлов университет, – в Сорбонне⁶⁶. Кроме того, он, подобно С.Эфрону, «становится деятельным сторонником евразийского движения, дошедшего во второй половине двадцатых годов и до Парижа. Так, например, 12 февраля 1927 года он участвует в дискуссии о евразийстве и выступает против П.Н.Милюкова. <...> А документ, подписанный Сувчинским и датированный октябрем 1929 года, “удостоверяет, что г-н Родзевич Константин работал в редакции журнала “Евразия” в качестве заведующего отделом с 1 августа 1928 года по 1 октября 1929 года”⁶⁷.

Политической деятельностью Родзевича и обусловлено – отчасти – наделение ориентированного на него протагониста *ПИ* зооморфными атрибутами. Прагматика данного приема – в актуализации расширительного значения слова «оборотень». В этой связи напомним: уроженец имперской столицы, выходец из генеральской семьи, добровольцем пошедший на Первую мировую и дослужившийся до мичмана, в годы Гражданской войны Родзевич резко поменял социальные и политические ориентиры и вначале стал «комендантом Одесского красного порта и участвовал в борьбе с иностранной интервенцией, затем – одним из командиров Нижне-Днепровской красной флотилии. Под конец Гражданской войны попал в плен к белым»⁶⁸. Был приговорен ими к расстрелу, но затем помилован.

А.Бросса так пишет об этом:

В своих мемуарах «У времени в плену» Ольга Ивинская, подруга Бориса Пастернака, предлагает, видимо, самую правдоподобную версию: «Константин командовал большевистской флотилией, действовавшей в южной части Днепра, а затем попал

⁶⁵ В этой связи см. следующее утверждение В.Лосской: «О драме, с которой связано создание “Поэмы горы” и “Поэмы конца”, помнят все, кто знал Марину Цветаеву в Праге, так как она не скрывала свою любовь к К.Б.» (*Лосская В. Марина Цветаева в жизни. С.81-82*).

⁶⁶ По этому поводу см. у А.Бросса: «В Праге, когда последний жар поэтического “романа” <с Цветаевой> угас, Родзевич становится лицензиатом права, женится на дочери теолога Сергея Булгакова. В 1925-26 годах он предпринимает продолжительную поездку в Ригу, в Латвию <...>. Так или иначе в конце 1926 года Родзевич оказывается в Париже и снова встречается с Цветаевой, с ее мужем Сергеем Эфроном. Он поступает в Сорбонну, намереваясь стать доктором права. Живет в Клараме» (*Бросса А. Групповой портрет с дамой. С.230*).

⁶⁷ Там же. С.231.

⁶⁸ *Саакянц А. Комментарии // Цветаева М. Соч. Т.1. С.670.*

в плен к белым и был приговорен к смерти, но генерал Слащев <...> отменил приговор и предложил Константину сотрудничать. Тот согласился и немедленно был заочно приговорен к смерти большевиками. Но через несколько лет этот приговор, в свою очередь, отменили». Узловой момент, первый ключ к пониманию личности: с самого начала человек с двойным дном. Это драматическое «перерождение» допускает различные интерпретации <...>. Во всяком случае, из гражданской войны он вышел через «белую» дверь <...>: в 1920 году константинопольское «Русское паспортное бюро» (учреждение белых) выдает ему разрешение на пребывание в этом городе. Опять же с помощью белых Родзевич попадает в Прагу и становится студентом-стипендиатом чехословацкого правительства.⁶⁹

Таким образом, за короткий срок – с 1917 по 1920 – Родзевич дважды оказался «оборотнем», политическим «перевертышем». Но этими двумя случаями дело отнюдь не ограничилось. Весной 1926 года Родзевич направился в Париж в качестве делегата Зарубежного съезда⁷⁰, что само по себе должно было свидетельствовать о его значительном политическом «поправении». Вот, однако, как он сам преподносил свое участие в работе съезда много позднее:

Потом мой отъезд из Риги был представлен как участие в Зарубежном съезде.

<...> Я <...> попал на Зарубежный съезд не как сторонник его политики, а просто потому, что мне хотелось в Париж. Я поехал на съезд ради Парижа. Я тогда был симпатичный и способный малый, и Зарубежный съезд был для меня средством выдвинуть-

⁶⁹ Бросса А. Групповой портрет с дамой. С.229. Ср. в воспоминаниях знавшего Родзевича по Праге, Парижу и Испании А.Эйснера: «В 1918 г. К<онстантин> Б<олеславович> командовал Южной флотилией Красной армии, попал в плен, был приговорен к расстрелу. Потом этот приговор отменили, и он очутился в Константинополе. Там он познакомился с Эфроном, который его завлек в Прагу – учиться. <...> Он тоже был евразийцем, а затем стал резидентом ГПУ. Его послали в Испанию, в батальон белых эмигрантов. Полковник этого батальона считал К.Б. немного подозрительным. <...> На войне он был довольно жесток, и его боялись» (цит. по: Лосская В. Марина Цветаева в жизни. С.83-84).

⁷⁰ Напомним, что «этот съезд, проведенный с 4 по 11 апреля 1926 г. в парижском отеле “Мажестик” под председательством Струве, был значительным событием в истории эмиграции. <...> Организаторы съезда стремились создать центр на разросшемся правом фланге: созвать своего рода эмигрантский Земский Собор и на надпартийной основе объединить эмиграцию вокруг вождя – великого князя Николая Николаевича <...> При этом организаторы съезда подчеркивали, что выдвигают его “не как претендента на престол, а как символ национальной России”. Но для фланга Миллокова-Керенского уже это было слишком “реакционным” и они отказались от участия. <...> На съезд прибыло около 450 представителей от 200 русских организаций из 26 стран» (Назаров М. Миссия русской эмиграции. Изд. 2-е, доп. М., 1994. Т.1. С.50).

ся, но это была больше игра <!>, чем убеждения. <...> Моя принадлежность к ним – это было желание выйти из узкой провинциальной жизни. Это был авантюризм, в хорошем смысле слова, не карьеризм.

<...> Позднее я от идеологии и людей съезда отошел и был на некоторое время захвачен Евразийством.⁷¹

Из области политики цинизм перекинулся затем в область житейской морали: 13 июня 1926 в церкви на Сергиевском подворье (93, rue de Crimée) Родзевич обвенчался с Марией Сергеевной Булгаковой, – женился на ней без любви, руководствуясь исключительно корыстными побуждениями, в чем сам же признавался позднее: «Моя женитьба – это оппортунизм, мне нужно было устроиться в Париже. У меня не было любви к М.Б., но женитьба обеспечивала быт»⁷².

Но и это не все. Вновь процитируем А.Бросса, предварительно еще раз напомнив, что в 1928–1929 Родзевич был членом редакции парижского евразийского журнала:

В галактике, именуемой «Евразия», особое место занимал одноименный журнал, руководимый в конце двадцатых годов С.Эфроном и, главным образом, П.Сувчинским. <...> журнал оставался независимым, но по мере его политизации советская «перспектива» отвоёвывала все большее место.

Эта тенденция достигла апогея в 1929 году, и несколько инициаторов евразийского движения публикуют брошюру с красноречивым названием: «Журнал “Евразия” – не евразийский орган». Не поднимая слишком деликатной проблемы подрыва изнутри и не рассматривая «криминального» аспекта проблемы, авторы статьи бесстрашно разоблачают «операцию по самоунич-

⁷¹ Цит. по: Лосская В. Марина Цветаева в жизни. С.92-93.

⁷² Цит. по: Там же. С.92. Ср. ниже: «Потом я попал под опеку М.Б. (М.С.Булгаковой. – А.Д.). Она мне предоставила устройство и бытовую организованность. Все это теперь я критикую, а тогда мне это казалось правильным» (Там же. С.92-93). Ср. в письме М.Цветаевой от 1 июля 1926 одной из своих парижских знакомых: «Жалею М.С., потому что знаю, как женился! <...> Он ее не любит. “Ну хоть тянетесь к ней?” – “Нет, отталкиваюсь”. Стереть платочком причастие – жуткий жест. Она вышла за него почти против его воли (“Так торопит! Так торопит!”). – Дай ей Бог ребенка, иначе крах» (цит. по: Там же. С.98-99). В этой же связи см. характеристику Родзевича, данную М.С.Булгаковой: «Марина на всех наговаривала. Я этого тогда особенно не замечала, так как была влюблена в любовника Марины. Потом я вышла за него замуж. Это был аморальный человек <...> очаровательная свинья <...> совершенное ничтожество» (цит. по: Там же. С.97). В свою очередь, в связи с этим последним высказыванием см. относящееся к лету 1931 года воспоминание Т.П.Милютиной: «Дочь о. Сергия Булгакова Мария Сергеевна, все еще сумрачная и трагическая после развода со своим трудным и странным мужем» (Милютина Т. Люди моей жизни. Тарту, 1997. С.74).

тожению евразийства», чрезмерные восхваления Революции, которыми пестрят колонки журнала, «ассимиляцию евразийства с Октябрьской революцией», обращение в марксизм его руководителей, публикацию советской официальной информации без всякой критической оценки и т. д.⁷³

Иными словами, в упомянутой брошюре редакция журнала «Евразия» по сути дела обвинялась в сотрудничестве с советскими спецслужбами.

Однако даже если допустить, что означенная брошюра не попала на глаза будущему автору *ПИ*, а его слуха не коснулись весьма оживленные эмигрантские пересуды о несомненном «оборотничестве» ведущих сотрудников «Евразии» (Родзевича, прежде всего), все это наверняка стало для него актуальным в самом конце 1953 (то есть за два года до публикации *ПИ*), когда в парижском журнале «Возрождение» появилась любопытная статья. А.Бросса так описывает ситуацию:

...была перепечатана статья некоего молодого автора, написанная еще в 1928 году. Имя автора не названо, сказано лишь, что вскоре он погиб во время нелегальной поездки в Россию. Статья называлась «Евразийцы и Трест»⁷⁴. Двумя из трех основных агентов, участвовавших в тщательно спланированных действиях по инфильтрации евразийского движения в Париже советскими агентами, в ней названы Эфрон и Родзевич. И если за Эфроном все же признаются некоторые положительные качества, то Родзевич представлен в довольно зловещем свете: «Это расчетливый карьерист, без всяких моральных устоев»⁷⁵, с одним желанием – играть роль, не брезгуя средствами. В качестве идеолога он не выступает, писать не умеет. Его быстрое продвижение объясняется, очевидно, какими-то организационными заслугами».

Не менее интересен комментарий, которым редакция «Возрождения» предваряет публикацию: в статье опущены все фамилии, упоминавшиеся в 1928 году, за исключением трех руководителей евразийцев (Эфрона, Родзевича и Савицкого), поскольку «боль-

⁷³ Бросса А. Групповой портрет с дамой. С.231-232. Подразумевается изданная в 1929 в Париже брошюра, в состав которой вошли следующие статьи: *Савицкий П.Н.* Газета «Евразия» не есть евразийский орган; *Алексеев Н.Н.* О газете «Евразия»; *Ильин В.Н.* Социальные цели и достоинства евразийства; Приложение: Письмо в редакцию газ. «Евразия» Н.С.Трубецкого, Постановление Совета Пражской группы евразийцев от 16 декабря 1926 г., Обращение к редакции газ. «Евразия» Пражской группы евразийцев, Выдержки из обращения Белградской группы евразийцев к редакционной коллегии еженедельника «Евразия», Выдержки из постановления группы евразийцев в Париже.

⁷⁴ См.: А.Б. Евразийцы и Трест // Возрождение: Литературно-политические тетради (Paris). 1953. №30, ноябрь–декабрь. С.117-127.

⁷⁵ В тексте статьи – не совсем так: «Большую роль играет К.Б.Родзевич – расчетливый карьерист, без всяких моральных устоев» (Там же. С.121).

шевики лучше (пропущено: нас. – А.Д.) *осведомлены о конспиративной работе этой верхушки <...>*. Стало быть, для белой эмиграции не составляло секрета, что Родзевич – агент...⁷⁶

Другим прототипом иванниковского Радкевича послужил известный белградский эмигрантский поэт и журналист Евгений Михайлович Кискевич (1891–1945)⁷⁷. Кискевич был фактическим организатором, вдохновителем и – длительное время – председателем белградского Книжного кружка (1925?–1935?)⁷⁸, в который сразу после возвращения из Парижа весной 1930 года влился Иванников⁷⁹; позднее оба они входили в основанное И.Н.Голенищевым-Кутузовым объединение «Литературная среда» (1934–1938)⁸⁰ и в Союз русских писателей и журналистов в Югославии (Иванников – с 25 марта 1935⁸¹). Кискевич был близок с поэтессой Лидией Алексеевой (урожд.

⁷⁶ *Бросса А.* Групповой портрет с дамой. С.232. С содержанием статьи из «Возрождения» белградец Иванников мог ознакомиться непосредственно или с помощью своих парижских друзей – С.М.Рафальского и Е.Л.Таубер, поддерживающих с ним интенсивную переписку (см. об этом выше; см. также: *Таубер Е.* Годы дружбы с М.Д.Иванниковым. С.94, 95, 96). С их слов Иванников мог знать и о дальнейшей судьбе Родзевича: прочно обосновавшись в Париже, тот вскоре «вступил там в коммунистическую партию и занялся активной политической работой; был связан с левыми французскими организациями. В период создания во Франции правительства Народного фронта сотрудничал в “Ассоциации революционных писателей и артистов”. <...> С 1936 по 1938 г. Родзевич сражался в рядах Интернациональных бригад в Испании, а во время оккупации Франции гитлеровскими войсками стал участником французского Сопротивления. Арестованного в 1943 г. Родзевича в течение двух лет перебрасывали из одного немецкого концлагеря в другой; в 1945 г. в Ростке его освободила Красная Армия. Вернувшись в Париж, он возобновил там свою прежнюю политическую деятельность. Одновременно стал заниматься рисованием и деревянной скульптурой» (*Саакянц А.* Комментарии. С.670-671).

⁷⁷ См. о нем: *Ђурић О.* Руска литерарна Србија 1920–1941. С.67-74.

⁷⁸ О кружке см., напр.: *Манчха Г.П.* Книжный кружок // Литературная энциклопедия Русского Зарубежья. 1918–1940. М., 2000. Т.2: Периодика и литературные центры. С.204. В этой связи см. следующее замечание современного исследователя: «Центрами, объединяющими и организующими литературную жизнь молодежи в Белграде, были не печатные органы (они далеко не всегда готовы были предоставить свои страницы неизвестным авторам), а литературные кружки» (*Шешкен А.Г.* Молодая поэзия «русского Белграда» // Русское Зарубежье – духовный и культурный феномен: Материалы международной научной конференции. М., 2003. Ч.2. С.24).

⁷⁹ См. об этом: *Белошевская Л.Н., Нечаев В.П.* Михаил Дмитриевич Иванников. С.248. Авторы объясняют этот факт влиянием и посредничеством уже известного нам К.Р.Кочаровского (в ту пору – библиотекаря белградской Народной библиотеки), одно время руководившего Книжным кружком.

⁸⁰ См. о нем, напр.: *Манчха Г.П.* «Литературная среда» // Литературная энциклопедия Русского Зарубежья. 1918–1940. Т.2. С.216.

⁸¹ *Белошевская Л.Н., Нечаев В.П.* Михаил Дмитриевич Иванников. С.248.

Девель; 1909–1989, Нью-Йорк), в 1937–1949 – женой будущего автора *ПИ*⁸².

О прототипичности Кискевича по отношению к протагонисту *ПИ* свидетельствуют, как и в предыдущем случае, очевидное сходство их фамилий и сходство внешнее: Кискевич был горбат, каковое обстоятельство и определило трагизм как его мироощущения, так и его поэзии⁸³. В свою очередь, указанными прототипическими отношениями отчасти обусловлено отмеченное нами выше наличие в повествовательной ткани *ПИ* отсылок к творчеству Лермонтова: последний был для Кискевича наиболее значимым поэтическим ориентиром⁸⁴ – недаром основанное им литературное объединение одно время носило название «Книжный кружок имени М.Ю.Лермонтова»⁸⁵.

В описании же интриг Радкевича, направленных против старца Васильчикова, десятилетие возглавлявшего «Общество», опосредованно отразилась аналогичная деятельность Кискевича против известного критика, историка литературы и писателя Евгения Васильевича Аничкова (1866 – 1937, Белград)⁸⁶, – об этом мы знаем со слов белградской исследовательницы русской литературы Э.Успенски. В этой связи напомним: 1 октября 1925 в Белграде, на первом собрании только что образованного Союза русских писателей и журнали-

⁸² «В октябре 1944 она без него бежала от приближавшихся советских войск и затем, после пяти лет беженского пребывания в Австрии, в 1949 переселилась в Нью-Йорк» (*Казак В.* Энциклопедический словарь русской литературы с 1917 года / Пер. с нем. London, 1988. С.36).

⁸³ В конце войны он был обвинен советскими военными властями в сотрудничестве с гитлеровцами, арестован и по приговору югославского суда расстрелян.

⁸⁴ Это утверждение, впрочем, в равной мере применимо и к большинству молодых белградских поэтов – в этой связи см., напр.: «Предисловие к сборнику И.Голенищева-Кутузова (“Память”. Париж, 1935. – *А.Д.*) написал Вяч. Иванов, который подчеркнул глубокую связь молодого поэта не только с непосредственными предшественниками, но и с русской классикой, в частности, с М.Лермонтовым. Эта точка зрения справедлива как в отношении самого И.Голенищева-Кутузова, так и в отношении других поэтов “русского Белграда”. <...> Мотивы изгнанничества, бегства, одиночества, судьбы, рока, размышления о горькой судьбе своего поколения, столь важные для поэта XIX века, получают широкое распространение в лирике ряда молодых авторов, но звучат по-новому, в новом историческом контексте. Можно добавить, что не менее значимым был и другой поэтический ориентир – лирика А.Пушкина» (*Шейкен А.Г.* Молодая поэзия «русского Белграда». С.28-29).

⁸⁵ См. об этом: *Манча Г.П.* Книжный кружок. С.204.

⁸⁶ См. о нем, напр.: *Тименчик Р.Д.* Аничков Евгений Васильевич // Русские писатели. 1800–1917: Биографический словарь. Т.1. М., 1989. С.77-78; *Трущенко Е.Ф.* Аничков Евгений Васильевич // Писатели русского зарубежья (1918–1940): Справочник. М., 1995. Ч.3. С.190-193.

стов в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (название Югославии до 1929) Е.В.Аничков был избран его почетным членом (наряду с А.И.Куприным, И.А.Бунинным и В.И.Немировичем-Данченко)⁸⁷. Однако в скором времени этот, по определению А.В.Амфитеатрова, «типический русский барин-либерал, <...> красноречивый»⁸⁸ бородач (ср. с Васильчиковым в *ПИ*; обращаем также внимание на знаменательную переключку двух этих сугубо дворянских фамилий: Аничков – Васильчиков⁸⁹), стал одним из лидеров и вожаков Союза и оставался таковым весьма продолжительное время, – во всяком случае, еще 15–17 января 1936 под его председательством прошло «общее годовичное собрание»⁹⁰ (ср. в *ПИ*: «И уж никто не сомневался в том, что в эту, десятую по юбилейному счету зиму, старику, наверное, не суждено снова победно и бодро переть бородой» [12]). Менее чем через год, 20 октября 1937, немного не дожив до очередного «общего годовичного собрания», Аничков умер (ср. с судьбой Васильчикова в *ПИ*), и эта смерть оказалась кануном распада эмигрантского писательского сообщества (как и «Общества» в *ПИ*): «Последняя из сохранившихся афиш о мероприятиях <белградского> Союза датирована 1 ноября 1937; вскоре после этого Союз прекратил свое существование»⁹¹.

Как видим, пресловутое «Общество» в *ПИ* ориентировано и на идейно-политическое движение, и на писательское содружество. Но одновременно оно очевидно ориентировано и на явление синтетического (применительно к этим двум) характера – на знаменитую «Зе-

⁸⁷ См.: <Б.н.> Хроника литературной жизни русского зарубежья: Югославия (1919–1940) // Российский литературоведческий журнал. 2000. №13/14. Ч.2. С.289.

⁸⁸ Амфитеатров А. Веселонравный ученый <Некролог> // Сегодня (Рига). 1937. №306, 7–8 ноября.

⁸⁹ В этой связи см. следующее воспоминание А.В.Амфитеатрова: «Произнесите эту старую дворянскую фамилию с ударением на втором слоге, на и, потому что за ударение на первом слоге Евгений Васильевич в былые годы обижался и “вносил поправку”: – Аничков, а не А́ничков. Что такое А́ничков? Даже не существительное, но прилагательное, притяжательное употребление pro substantivo, обозначая принадлежность Аничке. Я же никакой Аничке не принадлежу и принадлежать не намерен» (Там же).

⁹⁰ См. об этом: <Б.н.> Хроника литературной жизни русского зарубежья: Югославия (1919–1940). С.318. В повестке собрания значились: «Отчет о работе и выборы правления. Избраны: А.И.Ксюнин (председатель), А.Х.Даватц, Ю.В.Офросимов, Ф.С.Пельтцер, Ю.Ракитин, Л.Терешкович, В.Шульгин» (Там же).

⁹¹ Шумихин С.В. Союз русских писателей и журналистов в Югославии // Литературная энциклопедия Русского Зарубежья. 1918–1940. Т.2. С.464. Ср.: «1 ноября <1937>. – Союз русских писателей и журналистов. Одно из последних собраний Союза» (<Б.н.> Хроника литературной жизни русского зарубежья: Югославия (1919–1940). С.319).

леную лампу», парижское регулярное массовое литературно-интеллектуальное собрание, своего рода дискуссионный клуб⁹², призванный, по замыслу его вдохновителей, З.Н.Гиппиус и Д.С.Мережковского, выполнять функцию некоего «инкубатора новых идей», лаборатории, «в которой вырабатывается программа жизни и исканий русской эмиграции»⁹³. Первое собрание «Зеленой лампы» состоялось 5 февраля 1927 (напомним: именно этим днем помечено письмо С.Я.Эфрона, извещающее о состоявшейся накануне его встрече с будущим автором *ПИ* в Париже), «после первых же заседаний внимание литераторов и общественности русского Парижа к новому обществу <...> стало постоянным вплоть до <26 мая> 1939 <...>. На отдельных заседаниях, проходивших в зале Русского торгово-промышленного союза, аудитория доходила до нескольких сот человек»⁹⁴.

Страницы *ПИ*, изображающие вечера в «Обществе», разительно напоминают оставленные мемуаристами описания заседаний «Зеленой лампы». Вот, например, как вспоминал о них Ю.К.Терапиано:

Собрания начинались по возможности точно в девять часов вечера.

Администрация «Зеленой лампы» <...> и очередной докладчик – выходят на эстраду из-за кулис и размещаются по установленному раз навсегда порядку за большим столом, покрытым зеленым сукном <...>. Георгий Иванов, председатель, посередине.

Справа и слева от него по концам стола – Д.Мережковский и Зинаида Гиппиус.

Докладчик занимает свое место за столом. <...> Реплики с мест и всякие попытки перебивать докладчика не допускаются.

Лишь изредка, когда докладчиком является Мережковский, Зинаида Гиппиус вдруг вставляет реплику, но и ее председатель немедленно призывает к порядку.⁹⁵

⁹² См. о нем, прежде всего: *Терапиано Ю.* «Воскресенья» у Мережковских и Зеленая лампа // Терапиано Ю. Встречи. Нью-Йорк, 1953. С.43-48 и след.; *Озерцовский Г.* Русский блистательный Париж до войны: Организации. Философы. Писатели. «Простые смертные». Любовь. Париж, 1973. С.130-135; *Терапиано Ю.* «Зеленая лампа» // Терапиано Ю. Литературная жизнь русского Парижа за полвека (1924–1974): Эссе, воспоминания, статьи. Париж; Нью-Йорк, 1987. С.38-79; *Пахмусс Т., Королева Н.В.* «Зеленая лампа» // Литературная энциклопедия Русского Зарубежья. 1918–1940. Т.2. С.167-174.

⁹³ Там же. С.169.

⁹⁴ Там же. С.168.

⁹⁵ *Терапиано Ю.* «Зеленая лампа». С.40. Ср.: «на эстраде за большим столом, покрытым зеленым сукном, рядом с председателем сидели учредители – Мережковские и очередные докладчики, в первых рядах места занимали литераторы старшего поколения И.А.Бунин, Б.К.Зайцев, М.А.Алданов, А.М.Ремизов, В.Ф.Ходасевич, Н.А.Тэффи и др. Частыми посетителями были философы Н.А.Бердяев, Л.Шестов, литературовед К.В.Мочульский, публицист Г.П.Федо-

А теперь сравним – особенно с последней фразой – текст в *ПИ*: «...час ежевечернего таинства приближался: подоспевший дежурный член <...> распахивал зеленое поле раскладного стола, и соучастники сборища, <...> встряхиваясь и кхакая горлом, словно певцы перед тем, как возгреть, один за другим возникали на пороге: им уже не терпелось принять участие в служении. И Радкевич <...> был опять деятельно, без суетливости бодр и сдержанно, до боли в скулах, счастлив: он обожал взбудораживающий и нервящий чин этих повечерий – тревожный по сердцу звук первосвященнического гонга, всеобщую зябкую, переминающуюся нерешительность после него, затем первый альтовый вызов Цык и тотчас же ответный басовый отзыв Васильчикова, и как на перекличке возникающие там и сям поддужные валторновые голоса остальных <...>, и мелодия, покорная его необманному и повелительному камертону, оживала вновь – Цык, глотнув воды, Васильчиков, отпыхавшись, снова сливались в басово-альтовом дуэте обоюдоненависти» [12-13].

В приведенном отрывке особое внимание обращает на себя фигура «пятидесятилетней» Цык, постоянной оппонентки Васильчикова и его конкурентки в борьбе за лидерство в «Обществе»⁹⁶. Уже сама ее фамилия, явно «аббревиатурного» свойства (ср.: ЦИК и ЦК), отсылает к «Ге-пе-ус», – аналогичного происхождения парижскому прозвищу З.Н.Гиппиус⁹⁷ и, соответственно, к ее личности (в том числе, и внешности). Вот, например, какой увидела Гиппиус около 1926 (примерно тогда, когда ее наблюдал и будущий автор *ПИ*) Н.Н.Берберова: «Я помню ярко, как они (Мережковские. – *А.Д.*) вошли: <...> Господину с бородкой, маленького роста, было на вид лет

тов, редакторы и ведущие сотрудники “Современных записок”, “Последних новостей”, “Возрождения” и др.» (*Пахмусс Т., Королева Н.В.* «Зеленая лампа». С.168).

⁹⁶ Ср. в др. местах: «... в “Обществе” после каждого заседания все ярче, после каждого пленума все звучнее разверзлось трагическое фортиссимо раздора и брани – на всякий сокрушающе ревуший ход Васильчикова, Браудэ – Цык отвечала вскидистой, с захлебом, тенорово-альтистой отповедью» [9]; «Цык, несмотря на ее неослабевающий с годами альтовый напор, несмотря на все ее влияние и заслуги, тоже особенной опасности <для Радкевича> не представляла: фатальная злопахотельская бабья дурь обуревала ее перед самым финишем <...> – и так уж Бог весть в который раз, двумя-тремя голосами не дотянув до председательского престола, неизменно оставалась ни при чем» [10].

⁹⁷ В этой связи см. в воспоминаниях Дон Аминадо (А.П.Шполянского) «Поезд на третьем пути» (1954): «Молодые поэты читали стихи друг другу, а добившись славы, выступали на вечерах “Зеленой лампы”, и лорнировала их в лорнет Зинаида Гиппиус, которую за несносный нрав называли Зинаидой Ге-пе-ус, да еще тонким фальцетом учил уму-разуму Мережковский» (цит. по: *Дон Аминадо.* Наша маленькая жизнь: Стихотворения. Политич. памфлет. Проза. Воспоминания / Сост., вступит. ст., коммент. В.И.Коровина. М., 1994. С.682).

шестьдесят, рыжеватой даме – лет сорок пять»⁹⁸. Впрочем, в восприятии и памяти многих младших современников Мережковские были неразрывно связаны, – у той же Берберовой находим, например: «в памяти моей они сливаются вместе, словно одно существо в двух аспектах, словно голос, поющий длинную песнь под аккомпанемент, и то она поет, а он аккомпанирует, то (пожалуй, чаще) он поет, а она следует за ним»⁹⁹ (ср. у Терапиано: «Мережковские – т. е. Дмитрий Сергеевич и Зинаида Николаевна Гиппиус – о них невольно вспоминаешь всегда вместе»¹⁰⁰).

Вместе с тем, прототипическая основа образа Цык очевидно не исчерпывается лишь этими двумя проекциями: наличие у нее потомства¹⁰¹, равно как и некоторые детали внешнего облика, темперамент – видимо, взяты от Н.А.Тэффи¹⁰², тогда как «мережковское» начало

⁹⁸ Берберова Н. Курсив мой. Автобиография: В 2 т. 2-е изд., испр. и доп. New York, 1983. Т.1. С.277. Напомним, что в описываемое мемуаристкой время З.Н.Гиппиус (1869–1945) уже исполнилось 55.

⁹⁹ Там же. С.287. Обратим внимание на случайную, но знаменательную перекличку с ПИ: на актуализацию в обоих случаях темы пения.

¹⁰⁰ Терапиано Ю. Встречи. С.23. Ср. в дневниковой записи В.Н.Муромцевой-Буниной от 16 августа 1925: «Адамович думал, что Мережковский и З.Н. ничего общего не имеют. Я сказала, что наоборот – З.Н. всегда говорит “мы”, а не “я”, и трудно сказать, где кончается она и начинается он» (Устами Буниных: Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы / Под ред. М.Грин. В 3 т. <Frankfurt am Main:> Посев, <1981>. Т.2. С.147).

¹⁰¹ См.: «Цык тоже была теперь полусвоя, полудесь: вся ее клокочущая <...> пятидесятилетняя страстность – любвеобильной лавиной обрушилась – после смерти вдохновенно ненавидимого Васильчикова – на внука Тютика, ребенка совершенно необыкновенного: он говорил уже ау, говорил уже ау, он рос не по дням, а по часам, и постоянное прибавление в весе <...> озарялось удивительной понятливостью – проблесками будущей гениальности; и <...> Цык все просила представить себе все это, <...> и Радкевич, учтивым крючочком предстоящий перед ней, с учтливой ненавистью глядел на ее запудренное, колышущееся нежным, позалечившимся жирком альтовое горло, и со страхом науськивал в себе невыносимое желание – выпустить клычки» [16]. Возможно, впрочем, что приведенный пассаж иносказательно отражает постоянный интерес Гиппиус и Мережковского к литературной молодежи, – в этой связи см., например, следующее воспоминание Ю.К.Терапиано: «Но постоянный кадр “воскресений” (в парижской квартире Мережковских в доме 11-бис на улице Колонель Бонне. – А.Д.) составляло “младшее поколение” – поэты и писатели, начавшие литературную работу уже в эмиграции» (Терапиано Ю. Встречи. С.43); «Насколько я знаю, интерес к молодежи у Гиппиус был всегда. <...> После Блока и Белого эмигрантские молодые писатели и поэты должны были казаться Гиппиус не столь уж сложными для ее расшифровки» (Там же. С.39).

¹⁰² Ср.: «Тэффи, в сущности, была единственной “дамой” литературного Парижа – не литературной “дамой”, а очаровательной, хорошо воспитанной и “столичной” дамой» (Шаховская З. Тэффи // Шаховская З. В поисках Набокова. Отражения. М., 1991. С.267).

очевидно наличествует и в образе напористого бородача Васильчикова: в этом убеждает определенное внешнее сходство их с Цык междуособиц с памятными многим мемуаристам публичными и едва ли не наигранными спорами между Мережковскими¹⁰³.

Вместе с тем, наряду с «мережковским» рефлексом в образе Васильчикова и особенно в характере его взаимоотношений с остальными членами «Общества» опознается гораздо большая ориентация на личность И.А.Бунина – многолетнего конкурента Д.С.Мережковского в гонке за Prix Nobel¹⁰⁴, постоянного соперника уже обоих Мережковских в борьбе за лидерство и влияние в литературе «русского Парижа» и эмигрантской словесности в целом¹⁰⁵, постоянного

¹⁰³ См., например: «Во время публичных прений в “Зеленой лампе” Гиппиус любила с места подавать реплики. На этой почве у нее постоянно возникал спор с Мережковским – к удовольствию публики. Этот спор легко можно было принять за подготовленный заранее прием, но я думаю, такое объяснение было бы неправильным. Устремленные к общей цели, озабоченные поисками пути к ней, Мережковский и Гиппиус и дома были способны “сражаться” друг с другом по идейным вопросам. Несмотря на свой почтенный возраст, они сохранили способность увлекаться и переживать, как молодые люди. В них вообще было очень много энергии и какой-то неуязвимой жизненной силы» (Терапиано Ю. Встречи. С.38-39). Ср.: «А как она <Гиппиус> властвовала над всеми, когда <...> ее чуть скрипучий голос покрывал другие голоса, или когда говорил Д.С., а она выжидала момент, чтобы напасть на него, или поддержать его, или вступить в разговор между ним и его оппонентом. Как она властвовала над людьми, и как она любила это, вероятно, превыше всего, любила эту “власть над душами”, и все ее радости и мученья были, я думаю, связаны именно с этим властвованием» (Берберова Н. Курсив мой. С.288). Ср., наконец, третье свидетельство: «В публичных дискуссиях общество наслаждалось острыми репликами, которыми Зинаида Гиппиус прерывала тирады своего супруга» (Кнут Д. С Ходасевичем, Мережковским и Гиппиус // Кнут Д. Собр. соч.: В 2 т. / Сост. и коммент. В.Хазана; вступит. ст. Д.Сегала. Иерусалим, 1997. Т.1. С.275).

¹⁰⁴ См. в письме М.Цветаевой А.А.Тесковой от 24 ноября 1933: «Премия Нобеля. 26-го буду сидеть на эстраде и чествовать Бунина. <...> кандидат был Мережковский, <...> Мережковский и Гиппиус – в ярости. М. б., единственное, за жизнь, простое чувство у этой сложной пары. Оба очень стары: ему около 75, ей 68 л<ет>. Оба – *страшины*. <...> Их сейчас все боятся, ибо оба, особенно она, злы. Злы – как дүхи. Бунина еще не видела. Я его *не люблю*: холодный, жестокий, самонадеянный *барин*» (цит. по: Цветаева М. Письма к Анне Тесковой. С.91).

¹⁰⁵ В этой связи см. относящееся к 1932 наблюдение В.П.Крымова: «Бунин постарел, но по-прежнему красивый мужчина. Совсем бритый, совсем Будда. Во всяком случае, мэтр. Так себя и держит. <...> Понятно, он считает себя самым большим из живущих русских писателей» (Крымов В. Портреты необычных людей. Париж, 1971. С.189). См. также след. воспоминание Е.В.Постниковой в письме Р.В.Иванову-Разумнику от 16 мая 1942: «Опять к Гиппиус, она и он <...> вовсе были не в фаворе. Вечеринки “Зеленая Лампа”, которые она устраивала, не привлекали к ней молодежи. Несправедливо к ним относились: молодежь высмеивала, старшие завидовали их удельному весу, а вручение

объекта их насмешек и нападок¹⁰⁶. Речь, повторяясь, идет не о внешнем сходстве (в этом плане все строится как раз по принципу «от обратного»: Васильчиков – усатый, бородатый и «полнокровный»¹⁰⁷), как не идет речь и о значительном сходстве их характеров: для Васильчикова Иванников позаимствовал у своего кумира лишь памятные многим современникам бунинские страстность и нетерпимость¹⁰⁸, его крайнюю, легко переходящую в ярость и даже бешенство несдержанность в разговоре¹⁰⁹, наконец, его обидчи-

Бунину Нобелевской премии было для них явной обидой» (Встреча с эмиграцией: Из переписки Иванова-Разумника 1942–1946 годов / Публ., вступит. ст., подгот. текста и коммент. О.Раевской-Хьюз. М.; Париж, 2001. С.228).

¹⁰⁶ В этой связи см. прежде всего: Устами Буниных: Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны. Т.2. С.134, 135-136, 145, 156, 183; ср.: С.18, 32, 41, 56-57, 59-60, 69, 92-93, 101, 185. См. также у Н.Берберовой: «Как она (З.Н.Гиппиус. – А.Д.) властвовала над людьми, и <...> любила эту “власть над душами”, <...> Бунин бывал с ней настороже, но, конечно, ему редко удавалось победить ее в споре. Пленительная, старомодная примитивность Бунина забавляла ее и давала ей озорное желание спорить с ним в своем собственном ключе, потому что его – житейский, элементарный, двухмерный, бытовой – ключ был ей смешон, а Д<митрию> С<ергеви>чу скучен. Он так и говорил: “Мне Бунин скучен”. Но она считала, что скучных людей вообще нет и что Бунин “забавен”, забавен для нее, во всяком случае, потому, что если его нельзя переубедить или переделать, то его, во всяком случае, можно удивить» (Берберова Н. Курсив мой. С.288). Ср. у В.С.Яновского: «Бунин порой вызывал улыбку за чайным столом Мережковских, где спорили о Третьем Завете, о Прусте, о доктрине Трубадуров. Следует помнить, что Бунин был конкурентом Мережковского по линии Нобелевской премии, и это не могло порождать добрых чувств. Он все реже заглядывал в эту гостиную. Придаться к Бунину, интеллектуально беззащитному, было совсем не трудно. Как только речь касалась понятий отвлеченных, он, не замечая этого, терял почву под ногами» (Яновский В.С. Поля Елисейские: Книга памяти. СПб., 1993. С.133). См. также: Седых Андрей <Цвибак Я.М.>. Далекое, близкое. <М.,> 1995. С.192-193 (особенно воспроизведенные на с. 193 слова Бунина «Ведь я знаю, как Мережковский и Зина всю жизнь меня ненавидели. А ведь они люди страшные...»). См. также: Кнут Д. С Ходаевичем, Мережковским и Гиппиус. С.279.

¹⁰⁷ Ср., например: «Бунин на собраниях или в гостиной был наряден и любезен. Тщательно выбритый, с белым лицом, седой, иногда во фраке, подчеркнута сухой и подтянутый, дворянин, европеец» (Яновский В.С. Поля Елисейские. С.135).

¹⁰⁸ О «страстности и нетерпимости Бунина» как об обратной стороне «творческого его богатства» рассуждает З.Шаховская, см.: Шаховская З. В поисках Набокова. Отражения. С.274.

¹⁰⁹ См., напр., у Берберовой: «Характер у него был тяжелый, домашний деспотизм он переносил и в литературу. Он не то что раздражался или сердился, он приходил в бешенство и ярость, когда кто-нибудь говорил, что он похож на Толстого или Лермонтова, или еще какую-нибудь глупость. Но сам возражал на это еще большей нелепостью. <...> Окружающие испуганно и неловко молчали. Часто бешенство его переходило внезапно в комизм, в этом была одна из самых

вость¹¹⁰ (ср. в *ПИ*: «старик был ревуч и страшен в словесных поединках»; «уязвленный старик вскипал кумачовой яростью, и в тряском и ревучем исступлении пер напралом» [11]; «рык Васильчикова» [12]). От Бунина – «своего рода предводителя дворянства в нашей литературе»¹¹¹ – у Васильчикова также его барство и «княжеская» фамилия: как известно, домашние прозвища Ивана Алексеевича были «Князь от литературы», «Светлейший» и просто «Князь»¹¹²; проекцией Васильчикова на Бунина объясняется, опять же отчасти, и актуализация для *ПИ* контекста лермонтовского творчества: первому русскому нобелевскому лауреату оно, как мы знаем, было необычайно близко¹¹³.

милых его черт <...> В такое же бешенство, если не большее, приводили его разговоры о современном искусстве» (*Берберова Н.* Курсив мой. С.290-291). Ср.: «Бунина можно было и любить и ненавидеть. Он <...> легко поражал <...> своей несдержанностью, часто доходившей до грубости житейской мелочностью и эгоизмом. Было в нем много горечи, чувства какой-то литературной несправедливости, жертвой которой он стал» (*Седых А.* Далекие, близкие. С.246).

¹¹⁰ См.: «Но сам Бунин самый обидчивый из писателей...» (*Крымов В.* Портреты необычных людей. С.191).

¹¹¹ *Варламов А.* Алексей Толстой. М., 2006. С.108.

¹¹² См., например, в воспоминаниях художницы Т.Д.Муравьевой-Логиновой: «А Иван <Алексеевич> получил прозвище – “Князь литературный”, или “Светлейший”» (*Муравьева-Логинова Т.Д.* Живое прошлое: Воспоминания об И.А. и В.Н. Буниных // Лит. наследство. Т.84. Кн.2: Иван Бунин. М., 1973. С.312). См. в ее письмах: «Дача Бельведер <...>. Пальма давала тень на площадку перед домом, на которой стояли большой стол, стулья, кресла. Тут пили чай и вели бесконечные разговоры – русская литературная стихия, которой предводительствовал “Князь”, как я прозвала И.А. позже»; «Иван же Алексеевич введен был в княжеское достоинство – “князь от литературы”, или просто “Князь”, на что он снисходительно улыбался» (Письма Буниных к художнице Т.Логиновой-Муравьевой (1936–1961). <Paris:> YMCA-Press, <1982>. С.7, 9). Здесь же см. в письмах В.Н.Муромцевой-Буниной – от 12 сентября 1949: «Мы, то есть Князь пока вечера не устраивает» (Там же. С.122); в письме от 18 октября 1949: «Князь все задыхается» (Там же. С.123, см. также: С.125, 127, 128, 129, 130). Об этих прозвищах Иванников мог знать хотя бы от входившей в бунинское окружение Е.Л.Таубер (см.: *Казак В.* Энциклопедический словарь русской литературы с 1917 года. С.760).

¹¹³ См. об этом, например, у А.В.Бахраха: «важно отметить, что когда-то (если не ошибаюсь, в конце двадцатых годов, в пору повсеместного увлечения “романсированными биографиями”) Бунин намеревался написать книгу о Лермонтове, собирал для этого задуманного им труда материалы, “изгрыз” посвященный Лермонтову щеголевский “монтаж” (т. е. двухтомник Щеголева «Книга о Лермонтове». – *А.Д.*). Но затем, хотя о предстоящем выходе книги было уже объявлено, – от своего намерения отказался, очевидно, поняв, что для завершения этого труда у него не будет под рукой всех необходимых материалов и может не хватить усидчивости» (*Бахрах А.* По памяти, по запискам // *Мосты: Литературно-художественный и общественно-политический альманах.* <München>, 1966. №12. С.276-277). Ср. у С.Ю.Прегель: «Если б Ивану Алексеевичу

Однако, повторимся еще раз, в спроецированности представленного в *ПИ* лидера эмигрантского «Общества» на первого писателя Зарубежной России¹¹⁴ убеждает более всего характер его взаимоотношений с окружающими: его непричастность к имеющимся в возглавляемой им организации «общественникам» (ср. с принципиальной социально-политической индифферентностью бунинского художественного творчества¹¹⁵), его близость и сотрудничество с Браудэ¹¹⁶ (фамилия которого явственно «рифмуется» с фамилией бунинского любимца и постоянного vis-à-vis – Марка Алданова¹¹⁷: Ландау¹¹⁸); его противостояние с Цык (читай: с Мережковскими) и,

удалось прожить еще несколько лет, он, несомненно, написал бы книгу о Лермонтове. Мысль об этом не переставала его мучить. Он все упорнее думал о судьбе Лермонтова, об его неизбежном, трагическом одиночестве, и все чаще повторял величавые в своей простоте слова: “Выхожу один я на дорогу...”» (*Прегель С.Ю.* Из воспоминаний о Бунине // Лит. наследство. Т.84. Кн.2. С.357).

¹¹⁴ В этой связи см., например, следующий «расклад» в письме С.П.Постникова Р.В.Иванову-Разумнику от 20 апреля 1942: «Я в курсе эмигрантской литературы. <...> Но тут всякого добра есть. Самый знаменитый новый <...> писатель считается Сириин <...>. Из старых писателей на первом месте – Бунин» (*Встреча с эмиграцией: Из переписки Иванова-Разумника.* С.196-197).

¹¹⁵ В этой связи см., напр., у Д.Кнута: «не рискуя быть причисленным к писателям-общественникам, Бунин продолжал высокую традицию классиков» (*Кнут Д.* Собр. соч. Т.1. С.287).

¹¹⁶ Приведем его портрет из *ПИ*: «согбенный, с расслабленною барскою картавинкой из-под неба, предсмертно истекающий пенно-белою бородою Браудэ был стар, немощен, и все чаще и чаще с последним изумлением предчувствовал свой скорый уход туда, где не было никаких обществ, заседаний, баллотировок – и вообще, как ни финти, ничего, видимо, не было» [10]. Фамилию для данного персонажа Иванников, по всей вероятности, позаимствовал у А.И.Браудо (см. о нем, например: Александр Исаевич Браудо. 1864–1924. Очерки и воспоминания. <Париж:> Изд. кружка русско-еврейской интеллигенции в Париже, 1937. См. также: *Брауде И.* В советском суде: Из записок защитника. 1922–1928. Рига: Книга для всех, <1929>).

¹¹⁷ Ср.: «в писательской среде было у него (Бунина. – А.Д.) несколько любимцев, которых он всегда расхваливал, которых всегда любил читать, с которыми любил общаться и по отношению к которым – это, действительно, можно счесть за исключение – он никогда не допускал ни малейшей иронии. В последние десятилетия его жизни этими “фаворитами” было два человека, очень по своей природе несхожие. Это были М.А.Алданов, у которого едва ли был более ревностный поклонник, чем Бунин, и Г.В.Адамович» (*Бахрах А.* По памяти, по запискам. С.288). См. также: «Этому человеку я верю больше всех на земле»: Из переписки И.А.Бунина и М.А.Алданова / Вступ., публ., подгот. текста и примеч. А.Чернышева // Октябрь. 1996. №3. С.115-156.

¹¹⁸ С общеизвестными шепетильностью и «комильфотностью» М.А.Алданова весьма показательно корреспондирует следующий пассаж в *ПИ*: «Браудэ, которого он <Радкевич> попробовал натравить на Цык, молча поцеловал его в лоб, а затем, изловчившись – Радкевич не успел ощериться и отпяться, – рухнул ему на плечи, как на плетень, затрясся и очень удачно и обильно поплакал.

наконец, его же борьба на и за выживание с Радкевичем. Эта последняя, ее перипетии и полускрытый ее характер и оказываются наиболее знаменательными и информативными, поскольку за ее внешними описаниями без труда опознается длительное личностное и эстетическое противостояние Бунина с А.М.Ремизовым¹¹⁹, каковое на деле и определяло как литературную ситуацию в «русском Париже», так и характер русской эмигрантской прозы 1920-х – 1950-х в целом¹²⁰.

Он совсем рассолодел после смерти Васильчикова, – приближался и его черед переступить ужасную грань» [15]. В этой же связи напомним, что Алданов ушел из жизни спустя более чем три года после смерти Бунина и через год после опубликования *ПИ*.

¹¹⁹ См. отзывы Бунина о Ремизове в письме П.М.Бицилли от 16 мая 1936 (опубл.: Русская литература. 1961. №4. С.154-155), в письме Л.Д.Ржевскому (Суражевскому) от 27 сентября 1952 (опубл.: *Ржевский Л.* Встречи и письма (О русских писателях Зарубежья 1940–1960-х гг.) // Грани (Frankfurt/Main). 1990. №156. С.73. Об отношении Ремизова к Бунину см. дневниковую запись Ремизова от 14 ноября 1956 (опубл.: *Кодрянская Н.* Алексей Ремизов. Париж, <1959>. С.300). См. также: *Кодрянская Н.В.* Встречи с Буниным; *Прегель С.Ю.* Из воспоминаний о Бунине. С.341-351; 352; *Кодрянская Н.* Ремизов в своих письмах. Париж, 1977. С.12 и др.; *Яновский В.С.* Поля Елисейские. С.189; *Вейдле В.* О тех, кого уже нет: Воспоминания. Мысли о литературе / Публ. Г.Поляка // Новый журнал. 1993. №192/193. С.325; *Седых Андрей.* Далекие, близкие. С.120-121. См., наконец, у Н.А.Струве: «Бунин и Ремизов – составляют классическую литературную пару, как Толстой и Достоевский, Блок и Гумилев, основанную на общности судьбы и крайней противоположности писательских темпераментов. Жили они неподалеку друг от друга, но встречались редко. Друг друга не любили, не понимали – да и читатели до сих пор делятся кто за классика Бунина, кто за причудливого и фантастического Ремизова»; «Лед и пламень не столь различны между собой... как были Бунин и Ремизов. Ремизов весь в причудах, в фантазии, в словесном сплетении: из снов, из глубины времен он старается заглянуть в область неведомого. Бунин без причуд, строго-классичен, на мир смотрит нарочито острым, беспощадно-объективным глазом. Ремизов весь в изломах, в изгибах, он идет от Достоевского, в нем многое из Подполья. Бунин держится прямо, подобранно, он прячет свою душу от других, страх смерти у него запрятан глубоко, как можно глубже, – он идет от Толстого, в нем многое от Ивана Ильича. Ремизов окружил себя густым бытом, передал вещам жизнь своей души. Бунин безбытен, его квартира ничем не отличается от других эмигрантских квартир, разве что беспорядка больше, чем обыкновенно. Принимать он любит в столовой – там чуть приятнее, чем в других комнатах, – но она ничем не примечательна. Ремизов никуда не выходит, или почти, ему живется по-настоящему только в кукушкиной; Бунин не прочь пойти в гости, проветриться, развлечься» (*Струве Н.* Встречи с писателями <1. Ремизов; 2. Бунин (К столетию со дня рождения)> // Вестник РСХД. 1971. №100. С.306, 309-310). В этой же связи см.: *Доценко С.Н.* А.Ремизов и И.Бунин: Что скрывается за антагонизмом двух писателей? // Зарубежная Россия. 1917–1939. СПб., 2003. Кн.2. С.342-345.

¹²⁰ См. об этом у В.Маркова: «в определенный период литература “получается” только тогда, когда в ней есть две противоположные величины, как бы

Встречался ли автор *ПИ* с Ремизовым, был ли с ним знаком?¹²¹ Свидетельствами о знакомстве мы не располагаем, а вот видеть и даже общаться мог вполне – в годы своего пребывания в Париже (1926–1930), в период, когда, по свидетельству В.Яновского, Ремизов был особенно популярен среди эмигрантской пишущей молодежи¹²². Иванников также мог наблюдать этого прототипа своего Радкевича на собраниях «Зеленой лампы» или на весьма популярных регулярных вечерах чтения Ремизова в зале парижского отеля «Лютеция»¹²³.

плюс и минус, между которыми и рождается поэтическое электричество <...>, если их нет, литература хиреет. Однако даже при их наличии не всегда легко установить, кто они. <...> одна из двух друг другу противостоящих величин обычно недооценивается как критикой, так и своим антагонистом – общепризнанным, стоящим в центре внимания и громко обсуждаемым. <...> классическим примером может служить проза русской эмиграции. С одной стороны, нобелевский лауреат Бунин, <...> с другой – <...> Ремизов, у которого к смерти остались неопубликованными больше десятка книг. <...> Впрочем, для Ремизова характерна не столько непризнанность, сколько ее странное сосуществование с большой известностью» (*Марков В.* Неизвестный писатель Ремизов // *Aleksej Remizov: Approaches to a Protean Writer / Ed. by G.N.Slobin.* <Columbus, Ohio:> Slavica, <1987>. P.13). Ср.: *Вейдле В.* О тех, кого уже нет. С.325.

¹²¹ Что касается Бунина, то с ним Иванников состоял в переписке (см.: Leeds University Library Department of Special Collections. MS 1066/3018; частичное воспроизведение письма от 24 мая 1938 см. в статье: *Данилевский А.А.* Из наблюдений над повестью М.Иванникова «Дорога». С.272-273) и непосредственно общался 27 августа 1937, во время визита нобелевского лауреата в Белград, подтверждением чему служит воспроизведенное в кн. О.Джурича фото, на котором Иванников сидит четвертым слева от Бунина, справа от Бунина – Л.А.Иванникова-Девель, см.: *Турин О.* Руска литерарна Србија 1920–1941 (вклейка между с.256 и 257).

¹²² См.: «В конце двадцатых в начале тридцатых годов Ремизов был кумиром молодежи в Париже. А через несколько лет о нем уже все отзывались с какой-то усмешечкой и редко к нему наведывались. Как ни странно, о Ремизове часто отзывались таким образом: – Вот подождите, я когда-нибудь сообщу всю правду про него» (*Яновский В.С.* Поля Елисейские. С.186-187); «Популярность у молодежи льстила Ремизову: на этой карте он удачно обошел Бунина. Одно время за его воскресным часом собиралось человек тридцать новых литераторов. Но продолжалось такое оживление не долго. Уход молодежи оставил еще одну язву в обожженном сердце» (Там же. С.190); «В его <Ремизова> злобном отношении к Бунину чувствовалось нечто классовое, словное» (Там же. С.189).

¹²³ В этой связи см. в беллетризованных воспоминаниях Г.Озерецковского, относящихся к рубежу 1920-х – 1930-х: «Катя и Головин пошли на Ремизова, который устраивал вечера чтения в одной из зал гостиницы Лютеции <sic!>. Всегда ходили. – И поддержка писателю и удовольствие. Зала бывала полна. Можно сказать, что публика была “избранная”. Стояла почти тишина, как бывает на концертах знаменитостей. – Лишь полу-голоса. Он знал, что пришли люди – его друзья – ценители. И выходил, как гном из-под земли: маленький, почти горбатенький уродец с широким скуластым морщинистым лицом и большими

Из ремизовского внешнего облича Радкевичу переданы самые достопамятные, ставшие притчей во языцех приметы: маленький рост, необычайная сутулость, курносый задранный нос, высоко задранные же брови, пристрастие к нелепой одежде (вспомним «соломенное “здравствуй-прощай”, слишком все-таки вызывающее, слишком все-таки за границу приподдавшее» [8]), общее впечатление крайней необычности и странности¹²⁴.

По воле автора *ПИ* судьба Радкевича экспонировала и основные темы ремизовского творчества: бедности, неизбежности человеческого страдания¹²⁵, роковой обездоленности и гонимости человека людьми и миром, его подчиненности судьбе¹²⁶, тему «подполья»¹²⁷,

лукавыми глазами из-под сильно увеличивающих стекол очков» (*Озерцовский Г.* Русский блистательный Париж до войны. Париж, 1973. С.141; на с.141-143 – изображение ремизовского чтения).

¹²⁴ Сошлемся здесь хотя бы на того же В.Яновского, подытожившего многочисленные мемуарные описания: «Все воспоминания о Ремизове начинаются с описания горбатого гнома, закутанного в женский платок или кацавейку, с тихим внятным голосом и острым, умным взглядом...» (*Яновский В.С.* Поля Елисейские. С.186). Ср. также в письме Е.И.Замятина К.А.Федину от 22 февраля 1932 из Франции: «На днях видел Ремизова; спина <у него> совсем пошла колесом, горбун, ведьмак» (цит. по: «Молчание – моя основная литературная профессия» (Письма Е.Замятина К.Федину) / Публ. Н.К.Фединой и Л.Ю.Конюваловой; вступит. ст. и коммент. Л.Ю.Конюваловой // *Русская литература*. 1998. №1. С.104). Ср. у В.В.Смиренского – в воспоминаниях об увиденном в Петрограде в 1920–1921 (*Смиренский В.* Воспоминания об Алексее Ремизове / Предисл., публ. и коммент. Е.Р.Обатниной // *Лица: Биографический альманах*. Т.7. М.; СПб., 1996. С.166, 168, 169); ср. у Л.Белозерской-Булгаковой – в изображении начала 1920-х, Берлин: «Вспоминаю писателя Алексея Ремизова – сгорбленный “чертушечка”. Волосы бобриком, бритый, курносый, хитрые глазки» (*Белозерская-Булгакова Л.Е.* Воспоминания. М., 1990. С.33). Ср. также: *Зернов В.* Русский врач в Париже // За рубежом: Белград – Париж – Оксфорд (Хроника семьи Зерновых) (1921–1972) / Под ред. Н.М. и М.В. Зерновых. Париж: УМСА-Press, <1973>. С.396; *Берберова Н.* Курсив мой. С.305, 306. Также ср. у Н.А.Струве – о Ремизове в Париже перед войной: «Совсем маленький, сгорбленный, вихрастый» (*Струве Н.* Встречи с писателями. С.307).

¹²⁵ Ср., например: «Ибо надо сказать о главном – тема Ремизова – *человеческое страдание, людские страсти – и оправдание земных мук*» (*Сосинский Б.* О Алексее Ремизове // *Числа* (Париж). 1931. №5. С.258. Ср. также: «Сила Ремизова была в сознании и приятии страдания» (*Шаховская З.* В поисках Набокова. Отражения. С.132-133).

¹²⁶ См.: «людские страсти, муки Господни – у Ремизова проникнуты мудрой <...> примиренностью и подчиненностью судьбе <...> И если даже бунт – <...> то все же оказывается рука водителя достаточно крепкой – смирение все перборит <sic!>» (*Сосинский Б.* О Алексее Ремизове. С.259). Ср. у В.Вейдле: «неизбежность судьбы» (*Вейдле В.* О тех, кого уже нет. С.324).

¹²⁷ Ср.: «И тут, в этих страницах, внезапно открывается такое “подполье”, с такой страстью и мукой, что и Достоевскому впору» (*Адамович Г.* <Рец.> Литературные заметки: А.Ремизов. Три серпа. Т.П. Париж, 1929 г. // *Последние*

«многомерности мира»¹²⁸ и его тотальной одушевленности¹²⁹, «дьявольщины»¹³⁰. В высшей степени знаменательно, однако, что творчески осмысляя и преображая Ремизова, Иванников повествует о нем его же писательским «языком»: исходит из ремизовской эстетики, использует ремизовский же творческий метод и средства его творческого арсенала. Как известно, «в биографии и творчестве Ремизова немало случаев, когда литература и жизнь (или, по определению З.Г.Минц, “тексты искусства” и “тексты жизни”) причудливым образом переплетались, так что и в творчестве Ремизова далеко не всегда легко обнаружить границу между жизнью (биографией) и творчеством, между реальностью и вымыслом (как неким искусственно созданным “сюжетом”). Эмиграция Ремизова может быть тому примером»¹³¹. В этой связи важно отметить, что уже в 1930, в статье, вряд ли оставшейся не известной будущему автору *ПИ*, проницательный И.Н.Голенищев-Кутузов приблизился к нынешнему пониманию специфики творческой личности Ремизова:

Почти все большие писатели довоенного поколения (за исключением Сологуба) верили в то, что искусство и жизнь – одно. Отсюда заключалось, что жизнью своею писатель уже создает искусство. Отсюда преувеличенное значение, которое получила биография для уразумения произведения того или иного автора. Жизнь, превращенная в искусство, в игру, в некое действие (сравним с «игрой» в *ПИ!* – *А.Д.*), оказалась многим не под силу. <...> Кажется, только Алексей Ремизов сумел как-то непосредственно, не мудрствуя лукаво, сочетать каждодневную жизнь со своим творчеством.¹³²

новости. 1929. №3165, 21 ноября. Ср. у него же в рецензии на ремизовские «Три желания»: *Адамович Г.* <Рец.> «Современные записки» №47. Часть литературная // Там же. 1931. №3865, 22 октября.

¹²⁸ *Сосинский Б.* О Алексее Ремизове. С.259.

¹²⁹ См., например: «Неодушевленному нет места в ремизовском мире!» (*Голенищев-Кутузов И.* <Рец.> «По карнизам». Повесть Алексея Ремизова <Белград, 1929> // *Голенищев-Кутузов И.Н.* От Рильке до Волошина: Журналистика и литературная критика эмигрантских лет. М., 2005. С.230 (впервые опубли.: *Россия и славянство* (Париж). 1930. 21 июня).

¹³⁰ См.: «А дьявольщина, и не только она, но и человеческое грязцо <...> – было то, что Ремизов не хуже понимал, чем раны бедности и страдания» (*Шаховская З.* В поисках Набокова. Отражения. С.128-129).

¹³¹ *Доценко С.* Литература как предисловие к биографии (Об эмиграции А.Ремизова) // *Русская эмиграция: Литература. История. Кинолетопись: Материалы международной конференции.* Таллинн, 12–14 сентября 2002. Иерусалим; Таллинн, 2004. С.35.

¹³² *Голенищев-Кутузов И.* <Рец.> «По карнизам». Повесть Алексея Ремизова. С.229. См. об этом же у другого литературоведа-эмигранта – В.Вейдле, хорошо знавшего Ремизова лично: «Кто знал *Ремизова* хоть немного – как знал его я, – не может читать его или о писаниях его думать, его не вспоминая. Второго та-

Осознав конститутивную для судьбы и творчества Ремизова антитезу «жизнь – искусство», Иванников наделил Радкевича только теми приметам ремизовского внешнего облика, которые уже обрели литературный статус – подверглись переосмыслению и мифологизации в его (Ремизова) собственных произведениях¹³³, прежде всего, в текстах игровой природы – квазиавтобиографических, дозированно совмещающих реальность и вымысел: в «ретроспективных» – «Кукхе» (Берлин, 1923) и «Взвихренной Руси» (Париж, 1927), в «эмигрантских» – «По карнизам» (Белград, 1929) и «Учителе музыки» (частично опубликован в 1931¹³⁴), наконец, в книге «Подстриженными глазами» (Париж, 1951). Понятно, что в таком своем статусе пресловутые ремизовские благоприобретенные горбатость и курносость, его намеренное «чужачество» и проч. требовали постоянной культивации с его стороны – их всевозможного обыгрывания, выпячивания, подчеркивания (и «возвращения», таким образом, из литературы в жизнь). Многие ремизовские современники понимали это¹³⁵, как понимал это и Иванников (см. в *ПИ* – «совершенно не горбатый!»), но не многие принимали¹³⁶. Автор *ПИ* к числу этих по-

кого, то есть сколько-нибудь сравнимого с ним писателя, не только, кажется мне, у нас, но и нигде не было в нашем веке – такого не просто вросшего в свое писательское дело, но и сделанного или переделанного им, обоюдно с ним сросшегося на равных началах: весь он в писательстве, но и оно все в нем – в его делах и словах, в житейском его облике и укладе, в интонациях, повадках, смешках, шуточных проделках, в почерке рисованном, хитром – другого больше у него и не было, – в хитрой, себе на уме, хоть и приветливой, улыбке. Все это – Ремизов в той же мере, как и все, написанное им. Придешь к нему: сидит, нагнувшись, над столом <...>, читает или пишет. Горб себе нажил, просидел так всю жизнь» (*Вейдле В.* О тех, кого уже нет. С.322-323).

¹³³ См. работы современного исследователя на эту тему: *Безродный М.* 1) Генезис лейтмотивов у А.М.Ремизова // Русская филология V: Сб. трудов СНО филол. фак-та. Тарту, 1977. С.98-109; 2) Об одной подписи А.Ремизова // Русская литература. 1990. №1. С.224-228.

¹³⁴ См.: *Ремизов А.* Учитель музыки: Повесть // Воля России (Прага). 1931. №1/2. С.3-43; №7-9. С.563-596; №10-12. С.691-727.

¹³⁵ Сошлемся на В.Яновского: «Алексей Михайлович притворялся чудаком, хромым и горбатым» (*Яновский В.С.* Поля Елисейские. С.13).

¹³⁶ Характерным в этом плане представляется отношение В.Вейдле, утверждавшего, что со временем «одна осталась у него <Ремизова> игра, от которой не мог он отказаться, которую он, быть может, и не замечал. Об одном актере (немцеком) было сказано, что он и в жизни продолжал играть – самого себя. Так и Алексей Михайлович не переставал играть Ремизова – на людях, а быть может, и наедине с собой. Переигрывал иногда, это именно людей и раздражало. Но ведь подлинный был все же и писатель, и человек. Нельзя этого забывать. Да и как же было, особенно в последние его годы, не только сквозь книги (та же игра!), но и в игре умирающего актера не почувствовать этой его живой души. <...> Играл Алексей Михайлович, играл самого себя <...>. Какой святой и каторжный труд! Какое чувство слова и какая к нему лю-

следних, очевидно, не принадлежал, – отсюда негативная в целом подача им своего Радкевича-Ремизова¹³⁷ и наделение его бесовской и прочими скрытыми сущностями.

Осознано и отражено Иванниковым и заданное все той же конститутивной оппозицией стремление Ремизова перевоплощаться в повседневности в своих излюбленных фольклорных (нежить) и литературных персонажей¹³⁸ (еще одно значение концепта «оборотничества»!), прежде всего – в героев Достоевского, в «подпольного парадоксалиста» же – в первую очередь¹³⁹.

Своеобразное преломление получила в *ПИ* и порожденная игровым поведением Ремизова, памятная многим, но, опять-таки, неоднозначно воспринимаемая мемуаристами ремизовская провокатив-

бовь! Подвижником подлинным он был, совершая свой писательский подвиг. Играл, покуда мог, других “разыгрывал”, но писательством было и это. “Сочинял”, но ведь на то “сочинителем” и был» (*Вейдле В.* О тех, кого уже нет. С.328-329).

¹³⁷ Ср. с типологически сходным отображением Ремизова в созданном прилизительно в одно время с *ПИ* набоковском «Пнине» (1953–1955); в этой связи см.: *Безродный М.* Супруги Комаровы: Заметки на полях «Пнина» // В.В.Набоков. Pro et contra: Материалы и исследования о жизни и творчестве В.В.Набокова: Антология. СПб., 2001. Т.2. С.924-928.

¹³⁸ См., например, у Яновского: «Разные его позы – гнома, колдуна, болотного попики, недотыкомки – были игрой, обязательной данью того времени. Тут и Блок, Лесков, “Мелкий бес”, Мельников-Печерский со всеми Ярилами и Перунами» (*Яновский В.С.* Поля Елисейские. С.192).

¹³⁹ В этой связи см. в воспоминаниях З.Шаховской: «Пока я писала <...> о Ремизове, мне вдруг как-то открылось, что то, что делало его совершенно отличным от других русских писателей, с которыми мне пришлось встретиться, – это что Ремизов в сущности был единственным из них, который мог бы быть персонажем Достоевского, одним из униженных и оскорбленных, с его горделивым приниженьем и духовным изломом. В нем уживались подлинная трагедия и шутовство, жалость к человеку и издевка над ним. Он был человеком подполья. <...> И вот так, перед всеми унижаясь и презирая тех, перед которыми он унижался, находил свою свободу Ремизов, в сущности, самый загадочный из писателей, которых довелось мне увидеть. “Страдание – да ведь это единственная причина сознания”, – утверждает человек из подполья; и дальше: “...сознание, по-моему, есть величайшее для человека несчастье, но я знаю, что человек его любит и не променяет ни на какие удовольствия”. Сила Ремизова была в сознании и приятии страдания» (*Шаховская З.* В поисках Набокова. Отражения. С.132-133). По этому же поводу см. воспоминание В.Вейдле, в котором отслеживается ремизовское подражание многочисленным «униженным и оскорбленным»: «В тридцать третьем году, в Париже <...> Алексей Михайлович, щуплый, сутуленький, взъерошенный <...> себя подает <...> уродцем. Прибедниваться любит, казанским сиротою и в церкви стоит, держится чаще всего в одинаковом расстоянии от шутовства и от надрыва. Говорить обыкновение имсет вкрадчиво» (*Вейдле В.* О тех, кого уже нет. С.326-327).

ность (страсть к «безобразиям») ¹⁴⁰: «его любовь не без ехидства пошутить и даже, – о, на словах! – так *съострить* <sic!>, “пустить слух”, что это похоже – на “подложить свинью”» ¹⁴¹ (вспомним «на-мек», «полунамек» и «на-ме-че-чек» Радкевича), – равно как и его, по выражению Яновского, «Вечные намеки на несуществующие, подразумеваемые обиды и гонения» ¹⁴².

Наконец само моделирование образа Радкевича и его судьбы (наделение его скрытыми ипостасями и претекстовая закодированность его деяний) осуществлено Иванниковым в полном соответствии с духом и буквой поэтики «неомифологизма» ¹⁴³, активно разрабатываемой в первой трети XX в. Ремизовым ¹⁴⁴ вкупе с соратниками по «новому искусству» – Д.С.Мережковским, Федором Сологубом («Мелкий бес»), Андреем Белым, Б.Темиряевым (Ю.П.Анненковым) и др.

Подведем итоги. *ПИ* – произведение гетерогенное и полифункциональное. Это текст историософский (метаисторический), иносказательно утверждающий идею роковой обреченности русской эмиграции «первой волны» и отображающий сам процесс разложения (изнутри и извне) ее культурных и общественно-политических институтов, самого ее жизненно-бытового уклада.

¹⁴⁰ См. об этом: *Цивьян Т.* Ремизов – своими и чужими глазами // Культура русской диаспоры. Саморефлексия и самоидентификация: Материалы международного семинара. Tartu, <1997>. С.99-118.

¹⁴¹ *Озерецковский Г.* Русский блистательный Париж до войны. С.141. Ср.: *Шаховская З.* В поисках Набокова. Отражения. С.128-129; у В.Вейдле: «А еще была у них (А.М. и С.П. Ремизовых. – А.Д.) совместная забота: ссорить между собой молодых или не столь уж молодых, своих друзей, нарушать их душевное спокойствие ревностью, завистью, вожделением и мало ли еще чем. <...> Получалось весело, но для играющих, а не для тех, кем они играли и кто порой переставал у них бывать» (*Вейдле В.* О тех, кого уже нет. С.328). Ср., с другой стороны, у В.Сосинского: «Боже, как он любил разыгрывать и обманывать людей, даже самых близких и любимых!» (*Сосинский В.* Рассказы и публицистика. М., 2002. С.153).

¹⁴² *Яновский В.С.* Поля Елисейские. С.186-187.

¹⁴³ См. об этом: *Мицц З.Г.* О некоторых «неомифологических» текстах в творчестве русских символистов С.76-120.

¹⁴⁴ В этой связи см., напр.: *Данилевский А.* 1) Mutato nomine de te fabula narratur // А.Блок и основные тенденции развития литературы начала XX века: Блоковский сб. VII. Tartu, 1986. С.137-149. (Ученые записки Тартуского университета. Вып. 735); 2) Герой А.М.Ремизова и его прототип // Актуальные проблемы теории и истории русской литературы. Tartu, 1987. С.150-165 (Ученые записки Тартуского университета. Вып. 748); 3) A realioribus ad realia // Литература и история. Tartu, 1987. С.99-123 (Ученые записки Тартуского университета. Вып. 781); 4) О романе А.Ремизова «Пруд» // Ремизов А.М. Собр. соч.: В 10 т. / Подгот. текста, послесл., коммент. А.А.Данилевского; вступит. ст., прилож. А.М.Грачевой. Т.1. М., 2000. С.508-524.

Это также – и более всего – текст металитературный. С одной стороны, он завуалированно живописует последовательное разложение и угасание русской эмигрантской литературы в 1930-е – 1950-е – сначала в славянских странах, затем в Западной Европе, одновременно представляя собой своеобразный ей панегирик.

С другой стороны, он являет собой иносказательную характеристику эмигрантской изящной словесности *in cogroge* и в отдельных ее центрах («русский Белград», «русский Париж», «русская Прага»), опосредованно дает представление о сложившихся – в целом и «на местах» – «расстановке сил» и иерархии, о насущных литераторских проблемах, из коих первая – поколенческая.

Наконец, с третьей стороны, этот же текст представляет свод эстетических ориентиров и творческих предпочтений писателей-изгнанников, их отношения к отечественным художественным традициям. Одновременно здесь же имплицитно представлены литературно-эстетические воззрения, пристрастия и антипатии самого автора *ПИ*. Согласно им, метящий в эмигрантские «литературные наполеоны» Ремизов в качестве такового Иванниковым не воспринимается: ему уготована незавидная, но крайне необходимая, с точки зрения литературной эволюции, роль «мелкого беса» эмигрантской словесности, «темной» фигуры, призванной противостоять первому писателю русского зарубежья – Бунину, служить ему негативным фоном и оттенять его «белизну». С естественным устранением главной фигуры этого противостояния диалектически отпадает, согласно Иванникову, и необходимость в фигуре теневой, фоновой, тем самым ремизовское творчество трех-четырёх последних лет лишается какого-либо значения, а эмигрантский литературный процесс как таковой обрекается на скорое затухание (в этой связи можно с уверенностью предположить, что замысел *ПИ* возник у Иванникова после смерти обожаемого им Бунина 8 ноября 1953).

Повторимся: все эти представления и оценки упрятаны Иванниковым и вычитываются лишь из подтекста рассказа, во всеоружии знаний о множестве его значений. Эксплицитно же для репрезентации необычайно сложной и крайне противоречивой личности Ремизова и для вящей ее выразительности автору *ПИ* потребовалось освоить «язык» ремизовского творчества, самому «заговорить» на нем. Тем самым в творческом развитии Иванникова объективно совершался процесс, уже знакомый нам по литературной эволюции Бунина (в интерпретации Ю.В.Мальцева¹⁴⁵) и В.Сирина-Набокова (в интерпретации А.А.Долинина¹⁴⁶): полемическое освоение чужой и

¹⁴⁵ См.: Мальцев Ю. Бунин. 1870–1953. <Frankfurt/Main:> Посев, 1994.

¹⁴⁶ См.: Долинин А. Истинная жизнь писателя Сирина: Работы о Набокове. СПб., 2004.

чуждой (модернистско-авангардистской) поэтики обусловило кардинальные изменения в поэтике собственной. Последствия не заставили долго ждать: преодолев в повести «Искус»¹⁴⁷ значительное сириновское влияние, Иванников в рассказе «Чемпионат» (1969)¹⁴⁸ и в незаконченной повести «Счастье»¹⁴⁹ успел перед смертью выговориться собственным, ни на кого не похожим языком.

¹⁴⁷ Иванников М. Искус // Новый журнал. 1963. №74, декабрь. С.96-132; 1964. №75, март. С.43-77.

¹⁴⁸ Иванников М. Чемпионат // Там же. 1969. № 96, сентябрь. С.5-28.

¹⁴⁹ Иванников М. Счастье: Отрывок из повести // Русская мысль. 1968. №2707, 10 октября.